НѢСКОЛЬКО

СПОРНЫХЪ ВОПРОСОВЪ

ПО ИСТОРІИ

РУССКАГО ФИНАНСОВАГО ПРАВА,

СОЧИНЕНІЕ

Евграфа Осокина.

КАЗАНЬ.

Изданіе книгопродавца Ивана Дубровина.

1855.

gratis

VI С36

НѢСКОЛЬКО

СПОРНЫХЪ ВОПРОСОВЪ

ПО ИСТОРІИ

РУССКАГО ФИНАНСОВАГО ПРАВА,

СОЧИНЕНІЕ

Евграфа Осокина.

КАЗАНЬ.

Изданіе книгопродавца Ивана Дубровина.

1855.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1855 г. Октября 9 дня.

Цензоръ М. Похвисневъ.

381139.

Въ типографіи университета.

НѢСКОЛЬКО

СПОРНЫХЪ ВОПРОСОВЪ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ФИНАНСОВАГО ПРАВА.

Рецензіи сочиненій ученаго содержанія, относящихся притомъ къ предметамъ науки еще мало извѣстнымъ и неразработаннымъ, если онѣ написаны съ знаніемъ дѣла и должнымъ безпристрастіемъ, имѣютъ не одинъ скоропреходящій только интересъ беллетристической статьи, но, составляя сами по себѣ ученый трудъ, могутъ не мало содѣйствовать успѣшному обработыванію наукъ. Съ одной стороны вѣрное указаніе погрѣшностей и недостатковъ не только побуждаетъ самого сочинителя исправить ошибочное, дополнить недостающее, но еще предохраняетъ отъ подобныхъ заблужденій и позднѣйшихъ изслѣдователей науки; съ другой, для большинства читателей, истины, высказанныя сочинителемъ и подтвержденныя рецензентомъ, пріобрѣтаютъ себѣ новый авторитетъ въ лицѣ самого рецензента, особенно если послѣдній самъ извѣстенъ, какъ основательный ученый, и самъ занимался изслѣдованіями въ той области знанія, къ которой принадлежитъ разбираемое имъ сочиненіе. Прямо противоположно вліяніе рецензій, написанныхъ поспѣшно или пристрастно и наполненныхъ ошибочными возрѣніями на предметы науки. Онѣ могутъ подать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и тѣмъ легче ввести въ

заблужденіе читателей, что многіе только изъ журнальныхъ разборовъ получаютъ понятіе о достоинствѣ вновь выходящихъ книгъ и часто не имѣютъ ни времени, ни возможности свѣрить съ источниками выводы, сдѣланные сочинителями. Смотря, и кажется справедливо, съ такой точки зрѣнія на ученую критику, я полагаю, что будетъ не поздно и теперь сдѣлать нѣсколько замѣчаній на двѣ рецензіи моей книги: «*Изслѣдованіе о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ въ Россіи 1850 г.*», напечатанныя—одна въ Москвитянинѣ (Нояб. 1850 г.), другая въ Современникѣ (Дек. того же года). Не помѣщая своей статьи въ какомъ-либо періодическомъ изданіи, я имѣлъ въ виду показать тѣмъ, что не оскорбленное авторское самолюбіе, а единственно желаніе еще болѣе уяснить нѣкоторые спорные предметы, относящіеся къ исторіи русскихъ финансовыхъ законовъ, и разрѣшить разныя недоразумѣнія, къ которымъ могутъ подать поводъ означенныя рецензіи, побудило меня отвѣчать на возраженія, сдѣланныя противъ моей книги.

Рецензія моей книги, помѣщенная въ Москвитянинѣ, принадлежитъ г. Бѣляеву, котораго сочиненіе о войскѣ и другіе труды справедливо заслужили себѣ одобрительный отзывъ знатоковъ нашей русской старины. Имя рецензента въ журналѣ Современникъ не означено. Я начну съ разсмотрѣнія статьи г. Бѣляева особенно потому, что она обратила на себя вниманіе ученыхъ, и Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія при обозрѣніи разныхъ статей, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ 1850 года, отозвался о ней, какъ о примѣчательной критической статьѣ.

Г. Бѣляевъ начинаетъ свою рецензію опроверженіемъ слѣдующаго мѣста моей книги: «*если допустить, что рано развилась въ «нѣкоторыхъ частяхъ Руси торговля внутренняя и внѣшняя, то можно «бы было подумать, что уже въ глубокой древности таможенныя «пошлины съ товаровъ внутреннихъ и внѣшнихъ производства были зна«чительны въ нашемъ отечествѣ. Однакожъ до времень ига Монголь«скаго мы встрѣчаемъ въ историческихъ памятникахъ очень не много «извѣстій о таможенныхъ пошлинахъ; упоминается только о мытахъ, «о вѣсчемъ, о торговомъ, о передмѣрѣ, о перевозѣ. Первыя извѣстія «о нихъ относятся къ концу 10 вѣка*». По мнѣнію г. рецензента никакъ нельзя утверждать, чтобы таможенныя пошлины не были разнообразны въ нашемъ отечествѣ до ига монгольскаго. Какія же доказательства приводитъ онъ въ подтвержденіе своего взгляда? Во 1-хъ онъ замѣчаетъ, что по лѣтописямъ нельзя судить, проста или разнообразна была система таможенныхъ пошлинъ въ древней Руси, потому-что лѣтописи не говорятъ ничего, относящагося къ этому предмету не только о X, XI и XII вѣкахъ, но и о XV вѣкѣ;

чисто же административныхъ памятниковъ, касающихся собственно сбора таможенныхъ пошлинъ, говоритъ г. Бѣляевъ, ранѣе конца XIII вѣка мы не имѣемъ, точно также какъ не имѣемъ и многихъ другихъ памятниковъ за древнѣйшее время, что впрочемъ не доказываетъ, чтобы ихъ не было въ свое время.—Можно спросить, доказывается-ли этими словами сколько-нибудь существованіе разнообразной таможенной системы въ древнѣйшій періодъ русской исторіи? Нимало. Г. Бѣляевъ высказалъ только два предположенія, ничѣмъ неподтвержденныя, во 1-хъ о существованіи многихъ памятниковъ русскаго законодательства за древнѣйшее время,—предположеніе едва-ли правдоподобное: потому-что ни одинъ народъ въ древнѣйшій періодъ своего существованія не имѣлъ не только многихъ законодательныхъ, но и вообще многихъ письменныхъ памятниковъ. Во 2-хъ предполагается, что въ этихъ не открытыхъ еще памятникахъ глубокой древности упоминается о разнообразной таможенной системѣ, догадка еще болѣе произвольная, чѣмъ первая. Догадки и предположенія, ни на чемъ не основанныя, можетъ конечно дѣлать всякой, но ими нельзя ничего ни опровергнуть, ни доказать.

Впрочемъ г. Бѣляевъ и не ограничивается двумя имъ высказанными, но недоказанными предположеніями: онъ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли еще и другія доказательства. «*Слово «мыто*», говоритъ онъ, «*встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ, «отнюдь не должно принимать въ собственномъ частномъ значеніи «слова, какъ оно принимается въ разныхъ таможенныхъ грамотахъ «XV и XVI вѣка; но въ смыслъ собирательномъ, т. е. означающемъ «всѣ таможенныя пошлины. Это ясно утверждаетъ лѣтопись въ «договорѣ Олега съ Греками, гдѣ сказано: приходящіи (въ Констан- «тинополь) Русь . . . да творятъ куплю яко же имъ надобѣ, не платяче «мыта ни въ чемъ же. Здѣсь лѣтописецъ говоритъ именно объ осво- «божденіи Русскихъ отъ всѣхъ пошлинъ въ Константинополь, не «платяче мыта ни въ чемъ же, и обозначаетъ ихъ однимъ «собирательнымъ именемъ мыто. Точно также при переводѣ свя- «щеннаго писанія сборщикъ податей вообще названъ мытаремъ; ко- «нечно здѣсь нельзя разумѣть сборщика собственно мыта, portorium «(portitor), но сборщика податей вообще (publicanus). Въ западной «Руси даже въ XV столѣтіи мытомъ назывались безъ различія всѣ «торговыя и проѣзжія пошлины. Такъ напримѣръ въ грамотѣ Ли- «товскаго князя Александра Кіевскому войту 1499 года (А. З. Р. «т. I. N° 170) или въ Литовскомъ Статутѣ».

Къ несчастію почтенный рецензентъ приведеннымъ имъ мнѣніемъ подтвердилъ истину прямо противоположную той, которую онъ хотѣлъ защитить. На обширное и собирательное значеніе мыта

до 13 ст. указываю и я въ своей книгѣ на стр. 20, 21 и 90, ссылаясь между прочимъ и на грамоту Литовскаго князя Александра и на Литовскій Статутъ. Приведу подлинныя слова: «*Я думаю, что до ига Монгольскаго, понятіе мыта еще не установилось «и что мытомъ могли называть въ разныхъ мѣстахъ разныя пошлины: «въ В. Новгородѣ пошлину съ продажи товаровъ на торгахъ, а въ «Кіевѣ и Смоленскѣ проѣзжую. Даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ «и въ одно и тоже время могли понимать подъ мытомъ различныя «пошлины. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что до ига Монгольскаго мыто «во многихъ мѣстахъ было важнѣйшею изъ немногихъ таможенныхъ «пошлинъ, а въ нѣкоторыхъ, кажется, даже единственною; отъ того «объемъ понятія мыта могъ быть обширнѣе. Даже въ послѣдствіи, въ «15, 16 и 17 ст., слово мыто очень часто было употребляемо въ «Западной Россіи въ смыслъ пошлины съ товаровъ вообще, безъ раз- «личія дѣйствія, на которое она подала, или повода, по которому «была взимаема. Такъ въ 15 ст. въ Кіевѣ (въ Молдавіи) иногда на- «зывали мытами пошлины, взимаемыя на торгу съ опредѣленнаго «количества извѣстнаго товару, или съ цѣны онаго, или также съ «возовъ..... Въ Литовскомъ Статутѣ слово мыто также упо- «требляется въ обширномъ смыслѣ, такъ что имъ называется не «только пошлина, собираемая на рѣкахъ, дорогахъ, перевозахъ, но «и на торгахъ и въ мѣстечкахъ*». Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 90 моей книги сказано: «*можетъ быть, даже съ понятіемъ древнѣй- «шей таможенной пошлины—мыта до 13 ст. соединяли иногда зна- «ченіе сбора съ товаровъ за право торговли.....*». Но именно обширность значенія и собирательный смыслъ слова мытъ и то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ эта пошлина замѣняла собою всѣ проѣзжія и торговыя пошлины, въ послѣдствіи столь разнообразныя, а въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ была главнѣйшею изъ немногихъ, и указываютъ на недостатокъ разнообразія въ таможенныхъ сборахъ и на чрезвычайную простоту взиманія и управленія ихъ. Мытникъ въ древнѣйшее время замѣнялъ собою многихъ таможенныхъ сборщиковъ; онъ взималъ не только мытную пошлину, но по всей вѣроятности и мостовщину. По крайней мѣрѣ въ Кіевской лѣтописи въ половинѣ XII ст. встрѣчаются слова, дающія косвенное на то указаніе: «*въ то же веремя Борисъ пьяшеть въ Бѣлѣгородѣ,.. «...да че бы не мытникъ устерегъ и моста не переметалъ, то яли «быша.....*». (Инат. лѣт., стр. 56, г. 1150; срав. Кар. т. II., пр. 332). Мытникъ же собиралъ и торговую пошлину, сколько можно заключать изъ словъ Русской Правды: «*паки ли что будеть ку- «пилъ татебно на торгу.....то вывести свободна мужа два или «мытника.....мытника передъ кимъ купивше*». Мытомъ назы-

вались въ древнѣйшее время не только проѣзжія, но и торговыя пошлины, какъ самъ же говоритъ г. Бѣляевъ. И такъ гдѣ же онъ видитъ разнообразіе таможенной системы? Далѣе, опровергая мое мнѣніе объ отсутствіи разнообразія въ таможенной системѣ до Монголовъ, г. рецензентъ находитъ, что я опустилъ два довольно значительные вида пошлинъ, именно *пятно*, упоминаемое еще въ Русской Правдѣ, и *пудъ вощаной*, встрѣчающійся въ грамотѣ Всеволода Мстиславича, относящейся къ началу XII вѣка, гдѣ пудъ именно отдѣленъ отъ вѣса, слѣдовательно составлялъ особую пошлину. «*Притомъ же*», говоритъ г. Бѣляевъ, «*здѣсь въ сборѣ въсчей по-*«*шлины является значительное разнообразіе: такъ низовый гость пла-*«*тилъ съ двухъ берковсковъ вощаныхъ полгривны серебра да гривенку* «*перцу; Полочанинъ и Смольнянинъ по двѣ гривны куны отъ берков-*«*ска; Новоторженинъ полторы гривны; Новгородецъ шесть мордокъ.* «*Это различіе въ платежѣ пошлины разными торговцами, сдѣланное* «*на томъ же основаніи, на каковомъ таковое же различіе дѣлалось* «*въ разныхъ таможенныхъ грамотахъ XV и XVI столѣтій, ясно* «*говоритъ, что внутреннія таможенныя пошлины Руси и до Моно-*«*ловъ были также разнообразны, какъ и при Монголахъ, и разно-*«*образились въ то и другое время на одинакихъ основаніяхъ*». На это считаю нужнымъ замѣтить, что въ древнѣйшей Русской Правдѣ Ярослава не упоминается не только о *пятнѣ*, какъ таможенной пошлинѣ, но и о пятненіи лошадей. Только въ Новгородской лѣтописи, напечатанной въ Вивліоѳикѣ и относящейся къ позднѣйшему времени, одно мѣсто Правды является въ слѣдующемъ видѣ: «*а за княжь конь, иже той съ пятномъ, 5 гривны, а за смердій* «*2 гривны*». (Карам. т. II, пр. 78.) Но даже это мѣсто указываетъ не на существованіе *пятеннаго*, а только на относящееся къ этому времени обыкновеніе клеймить лошадей. Мы знаемъ кромѣ того и изъ другихъ мѣстъ источниковъ, что пятненіе лошадей было въ обыкновеніи въ половинѣ XII ст. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи: «*начаста молвити Борисловичи, Петръ и Нестеръ, зль* «*рѣчи на Мьстислава къ Давыдови, лжюча: занеже бяше Мьсти-*«*славъ озлобивъ я отпустилъ отъ себе, про ту вину, оже бяху хо-*«*лопи вю покралъ конь Мьстиславли у стадѣ, и пятны своѣ въ-*«*склалъ, рознаменываюче*. (Ипат. лѣт., стр. 99, г. 1170; сравн. Карамз. т. II, прим. 422). Но о пятенномъ, какъ пошлинѣ, еще не упоминается. Въ первый разъ о немъ говорится въ жалованной грамотѣ Звенигородскаго князя Юрія Дмитріевича Саввосторожевскому монастырю 1404 года. (А. Ист. I, стр. 23). Что же касается до *пуда вощанаго*, то я не оставилъ этой пошлины безъ разсмотрѣнія. Напротивъ на стр. 67 своего сочиненія я говорю о

ней въ слѣдующихъ словахъ: «*Выраженія уставной Новгородской гра-*
«*моты*, (на которую ссылается г. Бѣляевъ), *вьсъ вощаный и пудъ*
«*вощаный, по видимому, указываютъ на различіе между вѣсами*
«*для оптовой торговли и вѣсами для мелкой продажи и вмѣсть*
«*съ тѣмъ на отличіе вѣсчаго отъ пудоваго, изъ которыхъ первое*
«*представляется пошлиною за взвѣшиваніе товаровъ большими ко-*
«*личествами, а второе за взвѣшиваніе пудами. Но, кажется, вѣсчее*
«*и пудовое, хотя объ нихъ упоминается отдѣльно въ нѣкоторыхъ*
«*грамотахъ, были только различныя названія одной и той же по-*
«*шлины. По крайней мѣрѣ въ Смоленскѣ, въ 1228 г., выраженія*
«*вѣсъ и пудъ были тождественны*». И въ позднѣйшихъ грамотахъ 15, 16 и 17 столѣтій о пудѣ, какъ пошлинѣ отдѣльной отъ вѣса *вѣсчаго* или вѣсчей пошлины, вовсе не встрѣчается извѣстій; слово *пудовщикъ* принимается за тождественное съ словомъ вѣсовщикъ. (А. А. Э. I. 139; Д. А. И., стр. 164; А. А. Э. III, стр. 163 и др. мѣста). И такъ я не опустилъ пошлины пудъ вощаной, но я считаю ее, и кажется не безъ основанія, тождественною съ вѣсомъ. Мѣсто той же грамоты Всеволода Мстиславича, приводимое г. рецензентомъ, о взиманіи вѣсчей пошлины въ различной величинѣ съ городскихъ жителей, иногородцевъ и иноземцевъ, сообщено мною въ подлинникѣ на стр. 69 моего сочиненія. Но изъ этого мѣста не льзя сдѣлать тотъ выводъ, къ которому склоняется почтенный рецензентъ. Разнообразіе таможенной системы должно было бы обнаружиться въ существованіи многихъ различныхъ пошлинъ, падавшихъ на различныя окладныя дѣйствія, также въ различеніи, относительно величины пошлины, туземныхъ жителей отъ иногородцевъ и иноземцевъ не только при вѣсчемъ, но и при другихъ пошлинахъ, чего источники вовсе не показываютъ во времена до-монгольскія. Мое мнѣніе о томъ, что въ глубокой древности таможенныя пошлины съ товаровъ внутренняго и внѣшняго производства не были значительны и разнообразны въ нашемъ отечествѣ, между прочимъ основывается еще на слѣдующихъ соображеніяхъ.

1. Не въ однихъ лѣтописяхъ, какъ ошибочно замѣчаетъ г. Бѣляевъ, почерпнуты мною свѣденія о таможенныхъ сборахъ до ига монгольскаго. И ранѣе конца XIII ст. мы имѣемъ чисто административные, правда весьма немногіе памятники, касающіеся между прочимъ и таможенныхъ пошлинъ. О мытахъ упоминается уже въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данной въ 1150 году епископіи Смоленской: «*а мыта и корчмити*
«*невѣдомо, а что ся сойдетъ изъ того Святыи Богородици и епископу*
«*десятина.*» (Д. А. Истор. I, стр. 5). Въ той же грамотѣ говорится и о перевозахъ, о передмѣрѣ, о торговлѣ и гостиной дани. Далѣе

о мытахъ мы имѣемъ извѣстіе въ первой половинѣ XIII вѣка изъ договорной грамоты Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г. (Русск. Достоп. II, стр. 267 и Кар. III, пр. 248). На существованіе вѣсовыхъ пошлинъ указываетъ, хотя не прямо, уже уставъ о церковныхъ судахъ, приписываемый св. Владиміру. Прямо же о вѣсовыхъ пошлинахъ упоминается въ уставной грамотѣ (около 1134—1135) Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ: «*и даю Святому Великому Ивану отъ своего великоимьнія на строеніе «церкви и въ вькы въсъ вощаной и въ торжку пудъ вощаной, по-«ловина Святому Спасу, а половина Святому Великому Ивану на «Петрятино дворище*». (Д. А. Ист., стр. 3). Если бы таможенныя пошлины до ига монгольскаго были разнообразны, то въ этихъ памятникахъ, изданныхъ за-долго до конца XIII ст., въ особенности же въ Смоленской и Новгородской уставныхъ грамотахъ, — актахъ, по содержанію своему чисто административныхъ, при изчисленіи разныхъ пошлинъ было бы непремѣнно упомянуто и о другихъ таможенныхъ сборахъ, если бы они существовали.

2. Мою мысль подтверждаетъ самое сравненіе историческихъ памятниковъ конца XIII вѣка съ актами XIV и XV, особенно же съ актами XVI и XVII вѣковъ. Въ послѣднія два столѣтія встрѣчается много новыхъ пошлинъ, не существовавшихъ въ XV, а тѣмъ менѣе въ XIV и XIII столѣтіяхъ. Если оказывается несомнѣннымъ изъ сличенія историческихъ документовъ, что таможенная система была гораздо разнообразнѣе въ XVII и XVI вѣкахъ, чѣмъ въ XV столѣтіи, и что въ послѣднемъ существовали нѣкоторыя пошлины, неизвѣстныя въ XIV и XIII вѣкахъ, то не должно-ли допустить еще большаго отсутствія разнообразія таможенной системы въ самой глубокой древности, въ XII, XI и X вѣкахъ, когда и другія вѣтви администраціи находились еще въ самомъ простомъ, неразвитомъ состояніи? Дѣйствительно до половины XIII столѣтія намъ извѣстны только мыт, перевозъ, передмѣръ, вѣсчее, торговое, гостиная дань. Послѣ Монголовъ во 2-й половинѣ XIII вѣка встрѣчается названіе *тами*. Въ XIV вѣкѣ въ первый разъ упоминается объ осминичемъ и костках. Въ XV ст. встрѣчаются: пятно, контарное, роговое, задніе колачи, порядное, явка, головщина. Не ранѣе XVI столѣтія говорится въ актахъ о замытѣ, рукознобномъ, свальномъ, подъемной и дрягильской пошлинѣ, покоречномъ и привязной пошлинахъ.

Кромѣ появленія многихъ новыхъ пошлинъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, значительное распространеніе таможенной системы обнаружилось еще въ увеличеніи самого пространства и круга дѣйствія

пошлинъ. Въ глубокой древности таможенныя пошлины были взимаемы, сколько можно судить по существующимъ источникамъ, только въ городахъ (напр. мыты до XIII столѣтія), гдѣ сосредоточивалась вся торговля; въ послѣдствіи, въ особенности съ XVI столѣтія, таможенныя пошлины не только проѣзжія, но и торговыя были собираемы въ весьма многихъ селахъ и деревняхъ. Изъ прежде существовавшихъ проѣзжихъ пошлинъ нѣкоторыя въ XV и XVI вѣкахъ дѣлаются извѣстными въ разныхъ мѣстахъ подъ разными названіями. Такъ мытъ называется съ конца XV столѣтія иногда *подужнымъ*, иногда *полозовымъ*. Эта же пошлина въ XVI столѣтіи нерѣдко называется вообще проѣзжею пошлиною; водяный мытъ называется иногда, особенно въ XV и XVI столѣтіяхъ, *побережнымъ*, *посаженнымъ*, *косовымъ и шестовымъ* по различію повода взиманія. Такого разнообразія названій мы не встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ. Все это указываетъ на болѣе и болѣе разнообразящуюся съ теченіемъ времени систему таможенныхъ пошлинъ Россіи.

3. Впрочемъ уже по простой аналогіи, по одному сравненію финансовой исторіи Россіи съ финансовою исторіею другихъ европейскихъ государствъ, напр. Франціи и Англіи и др., можно заключить о чрезвычайной простотѣ таможенныхъ сборовъ въ самый древнѣйшій періодъ существованія нашего отечества. Нигдѣ, ни въ одномъ государствѣ система косвенныхъ налоговъ вообще и таможенныхъ пошлинъ въ особенности не являлась при самомъ ея установленіи разнообразною. И это происходило по двумъ причинамъ: во 1-хъ потому-что всякая система налоговъ на потребленіе до полнаго своего развитія требуетъ предварительно многихъ опытовъ въ маломъ видѣ, и во 2-хъ потому-что разнообразіе пошлинной системы предполагаетъ существованіе весьма сложнаго управленія, которое несовмѣстно съ простотою всей администраціи государства, стоящаго еще на низкой ступени развитія.

По всѣмъ изложеннымъ выше основаніямъ первое возраженіе г. Бѣляева не можетъ быть признано основательнымъ.

Другое замѣчаніе г. Бѣляева касается слѣдующаго мѣста моей книги: «*духовенство, которому, по свидѣтельству приписываемаго «Владиміру Святому церковнаго устава, былъ порученъ надзоръ за «торговыми вѣсами и мѣрами, кажется, ввело обыкновеніе на Руси «собирать таможенныя пошлины*» (стр. 5). «*Очень трудно допу-«стить*», говоритъ г. Рецензентъ, «*чтобы духовенство, только что «пришедшее изъ Греціи при Владимірѣ, при немъ же ввело и та-«моженныя пошлины; изъ Владимірова устава видимъ только, что «оно получило привилегію пользоваться нѣкоторыми изъ сихъ пошлинъ;*

«вводить же их вновь оно не могло; ибо это повредило бы только «что принятой Русскими христіанской религіи, что конечно очень «хорошо понимали греческіе духовные». Я не думаю, чтобы г. Бѣляевъ понималъ приведенныя выше слова моей книги такъ, будто греческое духовенство по своему собственному усмотрѣнію, само вводило на Руси таможенныя пошлины. Я желалъ высказать только ту мысль, что в. князь по совѣту греческихъ духовныхъ установлялъ пошлины, предоставляя имъ право взимать въ свою пользу нѣкоторые изъ этихъ сборовъ. Иначе нельзя толковать означеннаго мѣста, если бъ даже на стр. 19 моей книги не было ясно сказано: *«можетъ быть, по совѣту греческаго духовенства «введены были въ нашемъ отечествѣ и первые мыты, равно какъ и «первыя вѣсовыя и помърныя пошлины».* И такъ вопросъ состоитъ только въ томъ, имѣло-ли греческое духовенство своими совѣтами вліяніе на введеніе первыхъ таможенныхъ пошлинъ на Руси, или онѣ существовали ранѣе введенія христіанства? Но въ пользу моего предположенія говорятъ слѣдующія основанія:

1. О существованіи таможенныхъ пошлинъ въ Греціи, до введенія на Руси христіанской религіи, мы знаемъ несомнѣнно изъ мирнаго договора, заключеннаго Олегомъ съ Греками, гдѣ говорится объ освобожденіи русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Греціи, отъ пошлинъ: *«. . . да творятъ куплю, якоже имъ надобѣ не платяче мыта ни въ чемъ «же».* (Лавр. Лѣт. стр. 13). Какъ греческое духовенство вмѣстѣ съ религіею старалось вводить у насъ и свои уставы и образованность, то уже по этому одному легко предположить его вліяніе и на финансовое устройство Руси, легко предположить, что похвалы Грековъ своимъ финансовымъ учрежденіямъ могли побудить в. князя ввести нѣкоторыя изъ нихъ и въ своей землѣ. 2. Эта догадка вполнѣ подтверждается лѣтописными извѣстіями. Изъ нихъ открывается прямое вліяніе духовенства на дѣла общественнаго управленія вообще и финансоваго въ особенности. Не о церковныхъ только дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанской вѣры совѣтуется Владиміръ съ епископами, но и о томъ, какъ наказывать преступниковъ. Епископы предлагаютъ мѣры для внѣшней безопасности, совѣтуютъ князю, куда употребить доходъ отъ виръ (судебныхъ сборовъ), и князь раздѣляетъ ихъ мнѣніе. Лѣтописецъ разсказываетъ это слѣдующимъ образомъ. Въ княженіе Владиміра умножились разбои. Епископы говорятъ в. князю: *«се умножишася разбойници; почто не «казниши ихъ?»* Владиміръ отвѣчалъ имъ: *«боюся грѣха.»* — *«Ты по- «ставленъ еси отъ Бога,* возразили епископы, *на казнь злымъ, и добрымъ «на милованье: достоитъ ти казнити разбойниковъ, но со испы- «томъ.* Владиміръ согласился съ ними, отвергнулъ виры и началъ

казнить разбойниковъ. Но потомъ тѣ же епископы говорятъ ему: «*рать многа, оже вира, то на оружьи и на конихъ буди*» т. е. «*рать* «*теперь многочисленна, если будетъ собрана вира, то пусть она будетъ* «*употреблена на оружіе и на коней*». Владиміръ отвѣчалъ: «*тако буди*» и сталъ жить опять по устройству отцовскому и дѣдовскому. (Лав. Лѣт., стр. 54, срав. Ист. Россіи Сергѣя Соловьева т. I, стр. 165). Если виры, даже смертная казнь были вводимы на Руси по совѣту греческаго духовенства, то не будетъ ничего невѣроятнаго, если мы припишемъ его же вліянію и установленіе первыхъ таможенныхъ пошлинъ. Греческое духовенство тѣмъ охотнѣе могло совѣтовать Владиміру введеніе ихъ, что нѣкоторые сборы шли въ собственную ихъ пользу. Владиміръ предоставляетъ десятинной церкви: «*отъ всего княжа соуда десятую вѣкшу, а ис торгу десятую* «*недѣлю . . . . . .*».

Далѣе г. Бѣляевъ съ моимъ мнѣніемъ, что «*Монголы имѣли на-* «*сильственное, но рѣшительное вліяніе на распространеніе таможенныхъ* «*пошлинъ въ нашемъ отечествѣ, что они даже ввели важнѣйшую изъ* «*нихъ—тамгу*», соглашается только отчасти. «*Въ ханскихъ ярлыкахъ*», говоритъ онъ, «*единственныхъ памятникахъ, по которымъ мы можемъ* «*судить объ этомъ предметѣ, изъ новыхъ торговыхъ пошлинъ встрѣчает-* «*ся только одна тамга, другія же пошлины, упоминаемыя въ ярлыкахъ:* «*мытъ и мостовщина, были уже извѣстны и до Монголовъ. Слѣдователь-* «*но Монголы только ввели одну новую торговую пошлину тамгу, и этимъ* «*ограничилось все ихъ вліяніе на развитіе торговыхъ пошлинъ; это* «*доказывается еще и тѣмъ, что всѣ торговыя пошлины, кромѣ тамги,* «*у насъ носятъ русскія названія; если же бы онѣ были введены Мон-* «*голами, то конечно ихъ, подобно тамгѣ, называли по-монгольски, а* «*не по-русски*». Это возраженіе для меня не совсѣмъ понятно. Г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что Монголы ввели только одну новую торговую пошлину тамгу. — И я говорю не то-ли же самое? Я только прибавляю, и кажется не безъ основанія, что тамга была важнѣйшею изъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ. Дѣйствительно она взималась почти со всѣхъ товаровъ, съ ихъ цѣны, и притомъ въ количествѣ, нерѣдко далеко превышавшемъ величину другихъ пошлинъ, такъ-что уже введеніемъ одной этой пошлины Монголы обнаружили весьма значительное вліяніе на таможенную систему древней Руси. Впрочемъ не о введеніи Монголами многихъ пошлинъ говорится въ вышеприведенномъ мѣстѣ моей книги, а о быстромъ распространеніи прежде существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Руси вслѣдствіе вліянія Монгольскаго. Въ самомъ дѣлѣ мытъ, мостовщина, перевозъ и передмѣръ являются, какъ мы это видимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ, первоначально только въ городахъ, цвѣтущихъ

торговлею, въ Кіевѣ, Новгородѣ и Смоленскѣ. Ярлыками ханскими духовенство всей Руси освобождается отъ разныхъ сборовъ и таможенныхъ пошлинъ. Слѣдовательно послѣднія во время Монголовъ уже по-всюду были распространены въ нашемъ отечествѣ. Распространеніе на Руси пошлинъ, существовавшихъ прежде только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и появленіе новыхъ послѣ XIII вѣка указываютъ ясно на то, что Монголы имѣли рѣшительное вліяніе на нашу таможенную систему. Посредственнымъ образомъ они могли значительно содѣйствовать даже введенію новыхъ пошлинъ. Князья сами должны были установлять вновь сборы и пошлины или вслѣдствіе увеличенныхъ денежныхъ требованій со стороны хановъ, или вслѣдствіе прямого ихъ повелѣнія. Это объясняетъ между прочимъ, отъ чего новыя пошлины являлись съ русскими, а не съ татарскими именами.

Г. Бѣляевъ находитъ неправильнымъ мое мнѣніе, что съ XV столѣтія посошная подать замѣнила прежнія подворныя и поголовныя подати. Онъ замѣчаетъ, что посошная подать не была нововведеніемъ XV вѣка, а существовала еще при Дмитріи Донскомъ, какъ значится въ жалованной его грамотѣ Троицкому Сергіеву Монастырю (А. А. Э. т. I. N° 7). Въ отвѣтъ на это я долженъ прежде всего напомнить почтенному рецензенту, что изъ однихъ названій *посошнаго* или *посошины*, встрѣчающихся въ тарханныхъ грамотахъ, еще не всегда можно заключать о существованіи поземельной подати на Руси въ то или другое время, потому-что посошное въ историческихъ документахъ принимается въ различныхъ значеніяхъ. Посошиною называется иногда *исправленіе ратной повинности*, такъ какъ взиманіе ратныхъ людей обыкновенно происходило по сохамъ. Въ XIII ст. въ правилахъ Кирилла митрополита (изд. на соборѣ 1274) *посошнымъ* названа даже пошлина за посвященіе въ игумены или священники (ставленическая пошлина): «*аще кто явиться «отъ святаго нашего сбора* (собора) *или игумена свящал на мьздѣ, «рекомое посошное, или постризая мірьскаго попа на мьздѣ въ игумень-«ство, или попа поставляя*» и проч. (Карамз. IV, прим. 154). Но положимъ даже, что посошное въ смыслѣ прямой поземельной подати встрѣчается еще во 2-й половинѣ XIV столѣтія. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Опровергается-ли тѣмъ положеніе, мною высказанное? Нимало. Я вовсе не думалъ утверждать, что посошное есть нововведеніе XV вѣка, я только защищаю мнѣніе, несомнѣнно подтвержденное источниками, что распредѣленіе податей по сохамъ сдѣлалось всеобщимъ съ конца XV столѣтія и замѣнило большею частію подворныя и поголовныя подати, существовавшія до того времени на Руси. Историческіе памятники несомнѣнно доказываютъ,

что Василій Васильевичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1462 года первый подалъ мысль ввести соху во всеобщее употребленіе. «*А ть волости и села.....пославъ сынъ мой, да моя княгиня,* «*опишютъ да положатъ на нихъ дань по силѣ* (Собр. Гос. Грам. I. «стр. 81 и другое подобное мѣсто тамъ же стр. 205)».

Иванъ Васильевичъ III, стараясь осуществить мысль своего отца, послалъ писцевъ описывать по московски Тверскую область (см. Ист. Карамз. т. VI стр., 112, 217 и пр. 599). Преемники Ивана Васильевича, слѣдуя его примѣру, разсылали по всему государству писцевъ, которые, описывая имущество податныхъ сословій, составляли такъ называемыя книги сошнаго письма. Изъ всего этого видно, что если посошная подать и существовала гдѣлибо до XV столѣтія, то она не была всеобщею и слѣдов. не могла замѣнить подворныхъ и поголовныхъ податей. Только съ конца XV вѣка распредѣленіе налоговъ по сохамъ вводится во всеобщее употребленіе и такимъ образомъ производится то существенное преобразованіе въ системѣ податей, о которомъ я говорю въ своемъ сочиненіи.

Г. Бѣляевъ находитъ противорѣчіе между словами, встрѣчающимися на 6-й стр. моей книги: *Монголы имѣли насильственное,* «*но рѣшительное вліяніе на быстрое распространеніе таможенныхъ* «*пошлинъ въ нашемъ отечествѣ*» и другимъ мнѣніемъ, высказаннымъ на стр. 11: «*Монголы содѣйствовали распространенію тамо-* «*женныхъ пошлинъ по разнымъ частямъ Руси, но вліяніе ихъ обна-* «*ружилось не въ равной степени во всѣхъ странахъ, въ нѣкоторыхъ* «*даже вовсе не обнаружилось*».

По моему мнѣнію противорѣчія тутъ нѣтъ никакого. Имѣть вліяніе на распространеніе и содѣйствовать распространенію пошлинъ—выраженія однозначущія. Вліяніе Монголовъ на таможенную систему Руси остается и насильственнымъ и рѣшительнымъ, хотя въ нѣкоторыхъ немногихъ странахъ оно было слабѣе, чѣмъ въ прочихъ, а въ нѣкоторыхъ, также весьма немногихъ, и вовсе не обнаружилось, именно въ В. Новгородѣ и Псковѣ, изъ которыхъ въ первомъ тамга введена не ранѣе государствованія Іоанна III, а въ послѣднемъ она появилась только въ 1510 году (см. Внут. Там. Пошл. въ Россіи, стр. 88).

«*По мнѣнію г. Осокина*», продолжаетъ рецензентъ, «*изъ того,* «*что князья въ договорахъ другъ съ другомъ ставили въ числѣ усло-* «*вій не замышлять новыхъ таможенныхъ пошлинъ, вытекаетъ до-* «*казательство, что при таможенныхъ сборахъ всегда обнаруживалась* «*какая-то неподвижность, что привязанность къ старому поддержи-* «*вала самую нестройную систему пошлинъ: на дѣлѣ же договоры* «*князей здѣсь доказываютъ не привязанность къ старинѣ и непо-*

«движность, а единственно заботу не отягощать торговлю новыми «поборами, ибо въ сихъ же договорахъ не запрещалось отмывать по-«шлинъ». Прочитавъ это возраженіе, всякой подумаетъ, что мое мнѣніе о нестройности нашей таможенной системы до 2-й половины XVII ст. и о томъ, что она происходила отъ привязанности къ старому, не допускавшей никакой существенной реформы, основывается единственно на условіи князей, часто высказываемомъ въ ихъ договорныхъ грамотахъ, не вводить новыхъ пошлинъ. Однакожь мое положеніе подтверждено многими другими доказательствами. Они подробно изложены на стр. 6—12 моего сочиненія. Тѣ же взаимныя договорныя грамоты, о которыхъ упоминаетъ г. Бѣляевъ, опредѣляютъ не только неизмѣняемость, но и однообразную величину таможенныхъ пошлинъ въ цѣлой Руси (по крайней мѣрѣ относительно пріѣзжихъ торговыхъ людей). Неизмѣняемость таможенныхъ сборовъ поддерживается в. князьями посредствомъ договоровъ не только внутри Руси, но и въ сосѣднихъ государствахъ. Чѣмъ объяснить, какъ не привязанностію къ старому, что князья постоянно уклонялись отъ всякой попытки привести таможенныя пошлины въ стройный порядокъ, что изстари введенные сборы, даже по изданіи уставныхъ таможенныхъ грамотъ, въ которыхъ объ нихъ не упомянуто, были собираемы по-прежнему на-равнѣ съ названными въ грамотахъ, что издавна заведенный порядокъ при взиманіи пошлинъ былъ предпочитаемъ иногда даже въ XVII столѣтіи законнымъ опредѣленіямъ уставныхъ грамотъ [1])? Чѣмъ объяснить, что таможенныя пошлины въ разныхъ мѣстахъ назывались различно и по величинѣ своей были различны въ разныхъ мѣстахъ даже въ одно и тоже время, что въ нѣкоторыхъ городахъ было болѣе пошлинъ, чѣмъ въ другихъ, и что наконецъ нѣкоторыя области Руси даже въ XVII столѣтіи были вовсе отъ нихъ свободны? Г. Бѣляевъ говоритъ, что договорныя грамоты князей доказываютъ единственно заботу ихъ не отягощать подданныхъ новыми поборами. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же въ послѣдствіи, въ XV и XVI столѣтіяхъ были вводимы в. князьями и государями Московскими новыя пошлины? —

[1]) Это доказывается царскою жалованною грамотою 1626 года объ освобожденіи Борисоглѣбской Слободы отъ платежа пошлинъ и мыта городу Романову (А. А. Э. т. III, стр. 248). Какъ скоро Борисоглѣбцы доказали, что они изстари не платили пошлинъ Романову, то, не смотря на то, что въ новое время Романовцы получили противъ нихъ уставную грамоту, Борисоглѣбцы освобождены отъ платежа мыта. (Срав. также А. А. Э. I, стр. 55. стр. 460).

Впрочемъ даже при этихъ нововведеніяхъ привязанность къ старинѣ обнаруживалась самымъ рѣзкимъ образомъ въ томъ, что новыя пошлины никогда не приводимы были въ связь и согласіе со старыми, такъ-что между таможенными пошлинами съ теченіемъ времени должны были появиться налоги, падавшіе подъ различными названіями на одно и то же дѣйствіе, на одну и ту же операцію перехода предмета къ потребленію. Всѣ эти основанія, кажется, достаточно говорятъ въ пользу защищаемаго мною мнѣнія.

Послѣ разсмотрѣнныхъ мною замѣчаній, касающихся введенія къ моей книгѣ, г. рецензентъ обращается къ самому изслѣдованію характера внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и, слѣдуя порядку, принятому въ моей книгѣ, останавливаетъ прежде всего свое вниманіе на проѣзжихъ пошлинахъ.

Соглашаясь съ опредѣленіемъ мыта, мною сдѣланнымъ, г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что я не опредѣлилъ, какъ постепенно развивалась разкладка мытной пошлины съ возовъ и съ водоходныхъ судовъ, а только сказалъ, что съ большихъ судовъ брали больше пошлины, чѣмъ съ малыхъ. Опредѣленіе раскладки, продолжаетъ г. рецензентъ, имѣетъ большое значеніе въ исторіи мытной пошлины, и въ дошедшихъ до насъ памятникахъ выражено довольно ясно; такъ напр. въ грамотѣ 1402 положено съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набоемъ два алтына, а безъ набоя денга (Собр. Г. Гр. и Д. т. I. N° 36). Слѣдовательно при раскладкѣ пошлины принимался счетъ досокъ въ лодьѣ и различіе струговъ съ набоемъ и безъ набоя; то же, только яснѣе, говорится въ таможенной грамотѣ 1521 (А. А. Э. I. N° 170); но въ 1588 году, при разсчетѣ мытной пошлины принимали уже вѣсъ товара: «*съ «насада и дощаника и сколько въ которомъ насадѣ или дощаникѣ «какого товару будетъ, съ тысячи пудъ по два рубли и по двѣ гривны, «а со ста пудъ по семи алтынъ и по двѣ денги, да съ того же су«дна вельно имати посаженнаго по десяти алтынъ*» (А. А. Э. I. N° 338).

На это возраженіе считаю нужнымъ прежде всего сказать въ отвѣтъ, что на грамоту 1402 года я ссылаюсь въ 54 прим. къ своей книгѣ и кромѣ того тамъ же указываю и на другія грамоты Собранія Гос. Грам., не упоминаемыя г. Бѣляевымъ, въ которыхъ о распредѣленіи мытной пошлины говорится то же самое, именно на грамоты 1433, 1447 и 1483 годовъ. На вопросъ, отъ чего въ самомъ текстѣ сочиненія я не обращаю вниманія на счетъ досокъ въ лодкахъ и на различіе струговъ въ набоемъ и безъ набоя, отвѣчаю: отъ того что такая раскладка не была общеупотребительною даже въ одно и то же время. При взиманіи водяной проѣзжей пошлины въ разныхъ мѣстахъ общаго было дѣйствительно

только то, что брали во вниманіе величину судна, величина же судна опредѣлялась различно, не всегда и вездѣ по числу досокъ или по набоямъ, до 1588 года и послѣ этого времени. Такъ въ договорныхъ грамотахъ 1451, 1462 и 1484 о набоѣ уже не упоминается; въ нихъ сказано: «*а съ лодьи пошлина съ доски по два «алтына, а больши того пошлинъ нѣтъ, а съ струга алтынъ.... «а поедетъ безъ торговли, ино съ того мыта нѣтъ и пошлинъ*». Изъ грамоты 1592 г. видно, что судили по другимъ признакамъ о величинѣ судна и распредѣляли проѣзжую пошлину не по доскамъ лодокъ: «*кто пріѣдетъ на Чаранду или Короткое или мимо «ихъ Москвичъ, Новгородецъ и всякой иноземецъ у нихъ имати съ «устюжны и со ржавки и съ насада и съ подвозка и съ бѣлоозерки, «и съ матицы, и съ дощаника, которое судно десяти саженъ «и съ того судна по рублю, а болье будетъ десяти саженъ и имъ «имати по росчету; съ подвозка тогожъ судна по алтыну, а съ за«возни по два алтына, а съ лодки съ четверика съ однодеревки по «4 алтына, а съ шестерика по полуполтинѣ, а съ набаса по пол«тинѣ*» (А. А. Э. I, стр. 432). Значитъ, для опредѣленія величины судна и количества пошлины не всегда принимали въ соображеніе число досокъ или набои, или вѣсъ товара; напротивъ измѣряли суда саженями; также различали относительно величины извѣстные виды судовъ и облагали оные различными пошлинами. Напрасно г. Бѣляевъ думаетъ найти какое-то постепенное измѣненіе характера мытной пошлины и замѣчаетъ, что въ 1588 году при разсчетѣ ея принимали за основаніе уже вѣсъ товара. И прежде и послѣ 1588 года водяный мытъ распредѣлялся обыкновенно по величинѣ судна за весьма немногими исключеніями, указанными въ моей книгѣ. Грамота 1592 уже доказываетъ это. Приведемъ еще и другое мѣсто источниковъ, относящееся къ 1633 году, о распредѣленіи мыта въ Гороховцѣ: «*съ лодки съ одновесельныя, что «привезетъ со всякими мылкими товары, съ лодки имати по 4 ал«тына по 4 дени.....;съ струга одношестоваю мыта рубль три «алтына 4 дени, съ дощеника съ набойною, которой придетъ съ солью «и съ рыбою и съ хлѣбомъ, съ судна мыта рубль 27 алтынъ 2 «дени; съ судна невеликого, которое придетъ съ бочешною съ про«солною рыбою, съ судна мыта 17 алтынъ, утуриаю (т. е. судна) «по 17 алтынъ; съ оханки, что съ оханною рыбою, по 5 алтынъ «по 2 дени съ сажени*». (А. А. Э. III, стр. 363). Это мѣсто также доказываетъ, что при взиманіи мыта въ XVII столѣтіи обращали вниманіе на величину судна, но опредѣляли ее различно, не по числу досокъ, а назначали пошлину или прямо на извѣстный видъ судовъ, или измѣряли его саженями, при чемъ бралось, кажется,

нѣсколько въ соображеніе и качество товаровъ, которыми было нагружено судно. Даже въ 1588 году, когда по мнѣнію г. рецензента измѣнилось распредѣленіе мыта, мы встрѣчаемъ въ источникахъ мѣсто, прямо опровергающее такое предположеніе. Въ царской жалованной несудимой грамотѣ Терехову Монастырю сказано: «*а что у нихъ перевозъ и мыть на Окѣ рѣкѣ, и тѣмъ мы-*«*томъ и перевозомъ владѣти по старому; а имати имъ мыта: съ*«*посаду и съ ладьи, по нашему указу, по гривнѣ, а съ паузка по*«*два алтына, а съ прибойнаго струга по 10 денегъ, а съ однодре-*«*вая по два алтына*» (А. А. Э. I, стр. 490). Слѣдов. мытенная пошлина и въ 1588 году, вопреки мнѣнію г. Бѣляева, распредѣлялась по величинѣ судна, а не по вѣсу товаровъ. Можно было бы указать много и другихъ мѣстъ, доказывающихъ ту же мысль. Слова источниковъ, приводимыя рецензентомъ, если въ нихъ говорится именно о мытѣ, что̀ еще сомнительно, представляютъ не правило, а одно изъ рѣдкихъ исключеній, гдѣ мытъ теряетъ свой первоначальный характеръ или гдѣ по неразличенію понятій проѣзжая пошлина смѣшивается съ другими пошлинами.

Далѣе г. Бѣляевъ дѣлаетъ мнѣ слѣдующее замѣчаніе: «*ново-*«*ря о мытѣ, т. Осокинъ, между прочимъ опровергаетъ мнѣніе Гаге-*«*мейстера о томъ, что въ древности право на мытъ было соединено*«*съ правомъ на поземельную собственность, и въ опроверженіи своемъ*«*ссылается на то, что будто бы это мнѣніе не подтверждается ис-*«*точниками и въ подтвержденіе противнаго мнѣнія указываетъ на*«*Литовскій Статутъ и на Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича.*«*Новыя правила Литовскаго Статута относились только къ Западной*«*Литовской Россіи, а Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича появи-*«*лось въ XVII вѣкѣ; слѣдовательно и тотъ и другой законъ не мо-*«*гутъ ни утверждать, ни отрицать мнѣніе Гагемейстера о соеди-*«*неніи права на мытъ съ правомъ поземельной собственности въ*«*Московской Россіи XIV, XV и XVI столѣтіи; слѣдовательно г.*«*Осокинъ не имѣлъ права на нихъ ссылаться*». На это считаю нужнымъ сказать въ отвѣтъ: свидѣтельства, приводимыя въ пользу моего мнѣнія, не взяты только изъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича и Литовскаго Статута. Напротивъ положеніе, мною защищаемое, основывается на слѣдующихъ свидѣтельствахъ источниковъ и соображеніяхъ: 1. Еслибъ частные владѣльцы имѣли право на своихъ земляхъ безъ позволенія правительства собирать проѣзжія пошлины, то князья московскіе и удѣльные не раздавали бы своимъ дѣтямъ по духовнымъ завѣщаніямъ городовъ и уѣздовъ вмѣстѣ съ мытами, какъ это мы видимъ напр. въ духовной грамотѣ 1328 г. Ивана Калиты, также въ духовныхъ грамотахъ:

1356 г. Ивана II, 1410 г. князя Владиміра Андреевича и 1434 г. князя Георгія Дмитріевича Галицкаго (см. Собр. Госуд. Грам. ч. 1). 2. Взаимное обязательство в. князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и удѣльныхъ князей, высказываемое въ ихъ договорныхъ грамотахъ о томъ, чтобъ не вводить новыхъ мытовъ, а держать старые мыта и брать опредѣленное ихъ количество не имѣло бы никакого смысла, еслибъ право установленія и взиманія пошлинъ не принадлежало исключительно князьямъ и еслибъ каждый собственникъ могъ установлять на своей землѣ мыты безъ дозволенія правительства. 3. Равнымъ образомъ часто встрѣчающееся въ тарханныхъ грамотахъ в. князей и удѣльныхъ и Государей Московскихъ освобожденіе монастырскихъ людей отъ мытовъ было бы нарушеніемъ правъ частной собственности, о которомъ вѣрно было бы по крайней мѣрѣ упомянуто, еслибъ догадка Гагемейстера была справедлива. Между тѣмъ тарханныя грамоты обыкновенно не говорятъ о подобныхъ частныхъ мытахъ и объ освобожденіи отъ нихъ монастырскихъ людей. Изъ этого можно заключить, что долгое время и безъ сомнѣнія во весь удѣльный періодъ большая часть мытовъ принадлежала непосредственно князьямъ. Въ послѣдствіи, особенно же въ концѣ XVI столѣтія, частные мыты по пожалованію являются чаще и на нихъ-то по всей вѣроятности указываетъ мѣсто Актовъ Арх. Эксп., приводимое графомъ Толстымъ въ Исторіи Финансовыхъ Учрежденій Россіи[1]). 4. Впрочемъ это же самое мѣсто источниковъ и многія другія показываютъ, что не одинъ мытъ, но явка, тамга и иныя торговыя пошлины, даже доходы цѣлыхъ городовъ, слѣд. и прямыя подати (см. А. А. Э. III, стр. 248) были предоставляемы частнымъ лицамъ. Было бы произвольно и неосновательно предполагать, что право взиманія торговыхъ пошлинъ, даже прямыхъ податей соединялось съ правомъ на поземельную собственность, и столько же произвольно и неосновательно считать и мытъ необходимою ея принадлежностію. 5. Въ пользу своего мнѣнія я могу привести далѣе и то, что нельзя встрѣтить въ источникахъ ни одного случая, гдѣ бы частное лице пользовалось

[1]) Стр. 74 «*И вы бъ Намѣстницы Переславскіе, и иныхъ горо-*
«*довъ намѣстники, и волостели, и князи, и боляре, и дѣти бо-*
«*ярскіе, вотчинники и помѣщики, и митрополичьи, и владычьи,*
«*и боярскіе, и монастырскіе, и сельчане, и оброчные и черные,*
«*и псари, и конюхи, и осочники, и сокольники, и всѣ безомѣны*
«*чей кто ни буди, на Троицкихъ мастерьхъ и на людехъ, и на*
«*казакѣхъ, явки и мытовъ и иныхъ никоторыхъ пошлинъ не*
«*имали*». (А. А. Э. т. I. № 190).

38.1.39.

правомъ собиранія мытныхъ пошлинъ на своей землѣ безъ пожалованія. Напротивъ въ жалованныхъ грамотахъ на поземельную собственность упоминается и о пожалованіи частныхъ лицъ *мытомъ*, чего не нужно бы было прибавлять, еслибъ съ правомъ на поземельную собственность необходимо соединялось право на взиманіе мыта. Такъ въ жалованной грамотѣ 1438 г. литовскаго в. князя Свидригайла кухмистру Петру Мышчичу на села сказано, что онѣ отдаются ему и съ *мыты* (А. Запад. Росс. I, стр. 48). Въ жалованной грамотѣ 1497 г. литовскаго в. князя Кіевскимъ мѣщанамъ о мытѣ ясно сказано, что оно, составляя доходъ княжескій, принадлежало къ числу правъ верховной власти: «*ино мы для такового «ихъ впаду, отпустили есмо имъ мыто наше вѣчно, во вѣки вѣ- «ковъ, по всему нашому панству, великому княжьству Литовскому «и Рускому и Жомонтскому сухимъ путемъ и водою*». (А. Зап. Росс. I. ст. 173). 6. Что мытъ не составлялъ необходимой принадлежности поземельной собственности, это доказывается мѣстомъ, приводимымъ мною въ моемъ сочиненіи и взятымъ изъ духовной грамоты 1410 г. князя Владиміра Андреевича, гдѣ онъ отдаетъ въ собственность своимъ сыновьямъ «*Городецъ на Волгѣ оприснь мыта «и тамги*», предоставляя мытъ и тамгу на Городцѣ женѣ своей «*Олень*». По всѣмъ этимъ соображеніямъ и свидѣтельствамъ источниковъ я полагаю, что и въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ мнѣніе Гагемейстера не подтверждается источниками. Они напротивъ ясно показываютъ, что право на мытъ не было соединено съ правомъ на поземельную собственность. 7. Самое Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича доказываетъ, что не только въ XVII столѣтіи, но и прежде собирать мытныя пошлины могъ только владѣлецъ, имѣвшій на то жалованную грамоту. Въ самомъ дѣлѣ 9 статья X главы Уложенія говоритъ слѣдующее: *въ которыхъ селѣхъ и на плотинахъ и на рѣкахъ и на перевозѣхъ и на торгѣхъ изстари мыта «не бывало, и въ тѣхъ мѣстѣхъ новыхъ мытовъ никому не вымышляти и не заводити никоторыми дѣлы, опричь тѣхъ мѣстъ, въ «которыхъ мѣстѣхъ мыты и перевозы изстари были, и на кото- «рые мыты и перевозы и мосты кому жаловальныя гра- «моты даны*». Яснѣе этого мѣста ничего не можетъ быть.

Не смотря на то, г. Бѣляевъ старается защитить мнѣніе Гагемейстера и въ пользу онаго приводитъ слова окружной царской грамоты 1596 года: «*а иные мыты и перевозы устроили на себя «наши бояре, и дворяне, и наши дьяки, и дѣти боярскіе, и всякіе «люди, и монастырскіе люди, и крестьяне для своей корысти; а «землю нашу пустошатъ безъ нашего указу*». «*Здѣсь ясно говорится*», замѣчаетъ почтенный рецензентъ, «*что мыты были не одни казен-*

«ные или Государевы, но и частныхъ землевладѣльцевъ всѣхъ состо-
«яній безъ различія, и притомъ учреждались не по жалованію отъ
«Государя, а безъ Государева указу, по собственному соображенію
«землевладѣльцевъ. Называть же ихъ самовольствомъ, злоупотребле-
«ніемъ мы не имѣемъ права; ибо само правительство въ приведенной
«нами грамотѣ не присвоивало имъ таковаго названія даже тогда,
«когда рѣшилось взять ихъ на Государя; причиною или поводомъ
«къ взятію частныхъ мытовъ на Государя въ грамотѣ выставлена
«не противозаконность ихъ учрежденія, а излишніе поборы. Гра-
«мота ясно говоритъ: «и тѣ всѣ перевозы и мосты велѣли есмя въ-
«дати на себя для того: слухъ до насъ дошелъ, что нашимъ по-
«сломъ и всякимъ проѣзжимъ людемъ мотчанье и продажи великіе».
«(А. А. Э. т. I. № 368). Притомъ же и взявши ихъ на Государя,
«по свидѣтельству той же грамоты, правительство, назначивъ новую
«таксу для сбора, опредѣлило половину сбора отдавать вотчин-
«никамъ, помѣщикамъ и монастырямъ, на чьихъ земляхъ были пере-
возы и мыты. Но конечно», заключаетъ г. Бѣляевъ, «подобный ра-
«здѣлъ пошлины между казною и частными землевладѣльцами не имѣлъ
«бы мѣста, если бы учрежденіе мытовъ и перевозовъ первоначально
«не было соединено съ правомъ поземельной собственности». Къ со-
жалѣнію грамота Царя Ѳеодора Ивановича, на которую ссылается
г. рецензентъ, вовсе не доказываетъ того, что онъ хотѣлъ под-
твердить ею. Въ приведенномъ имъ мѣстѣ именно говорится какъ
о самовольномъ учрежденіи мытовъ, такъ и о взиманіи излишнихъ
на нихъ пошлинъ. «Мыты», говоритъ рецензентъ, «учреждались
«безъ Государеву указу, по собственному соображенію землевладѣль-
«цевъ и само правительство не называетъ ихъ самовольными.» Какъ
не называетъ? Не все-ли равно сказать: «мы отбираемъ въ казну
«самовольно учрежденные мыты» или «мы отбираемъ мыты, учре-
«жденные частными владѣльцами только для своей корысти, безъ
«нашего указу»? Но чтобъ вполнѣ убѣдиться въ томъ, что мыты,
учреждаемые частными лицами на своихъ земляхъ безъ предвари-
тельной подачи просьбы Государю и безъ его указа, назывались
самовольными и до Уложенія и во время Уложенія и были уни-
чтожаемы или отбираемы на Государя именно за самое незаконное
ихъ учрежденіе, а не за излишніе поборы, для этого нужно
только раскрыть дополнительныя статьи къ Судебнику, помѣщенныя
въ III томѣ Актовъ Историческихъ, и Уложеніе Царя Алексѣя Ми-
хайловича. На стр. 112 III тома Ак. Историч. мы читаемъ слѣ-
дующее мѣсто, относящееся къ 1641 году: «а которые люди не
«бивъ челомъ Государю, самовольствомъ на своихъ водахъ по-
«мѣстныхъ и вотчинныхъ завели мыты и перевозы . . . . . и не-

«ревозъ и мыть емлютъ самовольно (тамъ гдѣ прежде не было се-«ю.....) тѣмъ перевозамъ и мытамъ не быть». Тамъ же говорится далѣе, что если владѣльцы и впредь будутъ брать мостовщину и мыты самовольно, то, кромѣ уничтоженія ихъ мостовъ и мытовъ, они подвергаются еще пенѣ 50 руб. на Государя. Изъ этой же статьи можно видѣть, что даже на пожалованныхъ мытахъ взимались пошлины по уставнымъ грамотамъ, въ которыхъ опредѣлялась величина сборовъ. Въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича (гл. IX, ст. 10) находятся слѣдующія слова: *а кто «мыть или перевозъ или мостовщину заведетъ вновь для своего по-«житку своимъ вымысломъ безъ указу и у него то все взяти на «Государя»* (ср. также ст. 19 и 20 той же главы) Все это ясно показываетъ, что мыты учреждались не по собственному соображенію землевладѣльцевъ, а съ дозволенія правительства, вслѣдствіе Государева указа.

Что же касается до того, что въ пользу вотчинниковъ, помѣщиковъ и монастырей, которымъ принадлежали мыты, мосты и перевозы, взятые на Государя, была предоставлена половина собираемаго съ нихъ дохода, то эта мѣра по всей вѣроятности касалась только землевладѣльцевъ, устроившихъ мыты, мосты и перевозы по праву пожалованія. По крайней мѣрѣ догадка подтверждается тѣмъ, что передъ взятіемъ на Государя повелѣно было мыты и перевозы владѣльческіе и откупные всѣ переписать, при чемъ легко могло открыться, кто владѣлъ ими по пожалованію и кто самовольно. Впрочемъ если бы даже и самовольные учредители мытовъ получили половину сборовъ, то это нимало не послужило бы въ пользу мнѣнія г. Бѣляева, потому-что въ самой же грамотѣ 1596 года прямо сказано, что половина доходовъ, получаемыхъ съ мытовъ и мостовъ, предоставляется частнымъ землевладѣльцамъ въ *вознагражденіе за издержки*, употребленныя ими на устройство на своихъ земляхъ мытовъ, мостовъ и перевозовъ, а не отъ того, что право ихъ на самовольное учрежденіе сборовъ тѣмъ самымъ было признано правительствомъ.

Соглашаясь съ моимъ опредѣленіемъ головщины, заднихъ колачей и костокъ, почтенный рецензентъ находитъ, что я напрасно отличаю головщину отъ костокъ. *«По грамотамъ»*, говоритъ онъ, *«видно, что сіи два названія означали одну пошлину, взимаемую съ «торговыхъ людей при проѣздѣ, въ то же самое время, какъ мыть «сбирался съ возовъ и съ судовъ; названіе костокъ было древнѣйшее, а голо-«вщина появилась позднѣе. Доказательствомъ тому, что сіи два названія «означали одну, а не двѣ пошлины, служитъ то, что онѣ не встрѣчают-«ся вмѣстѣ ни въ одной грамотѣ».* По моему мнѣнію это еще не доказы-

ваетъ тождества костокъ и головщины, а только указываетъ на то, что тамъ, гдѣ брали головщину съ проѣзжихъ, торговыхъ людей, не брали съ нихъ костокъ. Дѣйствительно изъ источниковъ мы знаемъ, что костки были собираемы на каждомъ мытѣ, слѣд. и въ селеніяхъ, гдѣ не было торговъ, а головщина только при проѣздѣ людей съ товаромъ мимо городовъ или торжковъ. Въ селахъ, гдѣ не было торжковъ, головщина, сколько можно судить по существующимъ источникамъ, никогда не взималась. Можно сказать съ большою вѣроятностію, что съ конца XV столѣтія головщина замѣнила для городовъ костки; въ селеніяхъ же, гдѣ не было торжковъ, костки постоянно оставались и позднѣе, въ XVI и даже въ началѣ XVII столѣтія, отдѣльною пошлиною, хотя падавшею на то же дѣйствіе, на какое падала головщина въ городахъ и торжкахъ. Впрочемъ на стр. 34 моего сочиненія я замѣчаю, что головщина и костки почти совершенно сходны между собою и объясняю существованіе двухъ почти одинаковыхъ пошлинъ, падавшихъ на одно и то же дѣйствіе, тѣмъ, что правительство при введеніи новыхъ пошлинъ не обращало вниманія на приведеніе ихъ въ связь съ преждесуществовавшими. Въ началѣ XVII столѣтія о костках упоминается въ царской жалованной грамотѣ 1616 года Бѣжецкому Антоніеву монастырю (см. А. А. Э. III, стр. 117). Это да послужитъ отвѣтомъ и на слѣдующее замѣчаніе г. Бѣляева: «г. *Осокинъ думаетъ «доказать различіе головщины и костокъ тѣмъ, что головщина не «вытѣснила костокъ и не замѣнила ихъ; ибо костки встрѣчаются «въ грамотахъ даже въ началѣ XVII ст., когда уже давно суще«ствовала головщина. Но это не доказательство, ибо хотя костки и «встрѣчаются въ грамотахъ XVI столѣтія (въ XVII мы ихъ не «видали), однако не какъ особая пошлина, а какъ та же головщина, «только съ старымъ названіемъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ «областяхъ, позднѣе поступившихъ подъ непосредственное распоряже«ніе Московской администраціи*».

Въ сдѣланномъ мною объясненіи мостовщины и перевозовъ, вообще заслужившемъ одобреніе г. рецензента, онъ находитъ однакожъ двѣ значительныя ошибки. Первая состоитъ по его мнѣнію въ томъ, что я не допускаю существованія права у частныхъ землевладѣльцевъ содержать мосты и перевозы; при этомъ почтенный рецензентъ говоритъ, что та же грамота 1596 года, которая опровергала мое мнѣніе о мытахъ, опровергаетъ и настоящее мое мнѣніе о мостовщинѣ и перевозахъ. Вторая моя ошибка по словамъ г. Бѣляева та, что я признаю участіе правительства въ расходахъ на содержаніе мостовъ и перевозовъ, тогда-какъ содержаніе мостовъ и дорогъ составляло рѣшительно прямую повинность жителей. На первое

замѣчаніе г. рецензента считаю долгомъ возразить, что я вовсе не отрицаю права частныхъ лицъ заводить на своихъ земляхъ мосты и перевозы и собирать мостовщину и перевозныя деньги: я только утверждаю, основываясь на источникахъ, что это право пріобрѣталось пожалованіемъ отъ правительства. На стр. 38 моей книги сказано: «*только по пожалованію, частныя лица, свѣтскія и ду-*«*ховныя, равно какъ и монастыри, заводили на своихъ земляхъ мо-*«*сты и перевозы и пользовались правомъ собиранія на нихъ пошлинъ.* «*Самое количество взимаемыхъ пошлинъ опредѣлялось уставными гра-*«*мотами*». Окружная грамота 1596 г. Царя Ѳеодора Ивановича, какъ я выше замѣтилъ, не только не опровергаетъ моего мнѣнія о мытахъ, мостовщинѣ и перевозахъ, но еще болѣе подтверждаетъ его. Вообще всѣ доказательства, приводимыя уже мною въ опроверженіе мнѣнія гг. Гагемейстера и Бѣляева, имѣютъ свое примѣненіе и къ мостовщинѣ и перевозамъ [1]). Такимъ образомъ не оста-

---

[1]) Кромѣ г. Бѣляева недавно проф. Московскаго Университета Лешковъ въ своей статьѣ: «*Историческій очеркъ русскаго за-*«*конодательства о путяхъ сообщенія и ямской гоньбѣ или по-*«*чтахъ*» (см. Москв. 1852. кн. 1. стр. 11) объявилъ, что не раздѣляетъ моего мнѣнія объ исключительномъ правѣ правительства учреждать мосты и перевозы. Приведу подлинныя его слова: «*проф. Осокинъ, въ его разсужденіи о внутреннихъ* «*пошлинахъ въ Россіи, стр. 34 и слѣдующ. напрасно хочетъ* «*дать всей мостовщинѣ и всѣмъ пошлинамъ за перевозъ ха-*«*рактеръ источника государ. доходовъ. Противъ этого говоритъ* «*все и самъ г. Осокинъ на стр. 36, дѣлая справедливое различіе* «*между мостами и перевозами казеннаго вѣдомства и ча-*«*стными*» Вотъ возраженіе, которое я не совсѣмъ понимаю. Повторяю еще разъ, что я и не думалъ утверждать, что сборы со всѣхъ мостовъ и перевозовъ на Руси шли въ государственную казну; напротивъ на стр. 38 и 39 моей книги ясно говорится о существованіи частныхъ мытовъ и перевозовъ, сборы съ которыхъ принадлежали частнымъ лицамъ или монастырямъ, на земляхъ которыхъ они были устроены. Слѣдовательно въ этомъ смыслѣ я не даю всей мостовщинѣ и всѣмъ перевознымъ деньгамъ характера источника государственныхъ доходовъ. Но я утверждаю и притомъ на основаніи источниковъ, что частныя лица, не иначе какъ пожалованіемъ пріобрѣтали право на учрежденіе мостовъ и перевозовъ. Въ этомъ смыслѣ конечно взиманіе мостовщины и перевозныхъ денегъ будетъ финансовымъ аттрибутомъ верховной власти.

навливаясь болѣе на первомъ возраженіи г. Бѣляева, я перехожу ко второму.

По мнѣнію почтеннаго рецензента правительство не участвовало въ издержкахъ на мосты и перевозы, такъ-какъ содержаніе ихъ составляло прямую повинность жителей. «*Этому свидѣтельства*», говоритъ г. Бѣляевъ, *находятся даже въ Русской Правдѣ, гдѣ со-«хранилась и раскладка этой повинности въ Новгородѣ; а изъ гра-«мотъ московскаго періода довольно подробныя объясненія сей повин-«ности находятся въ грамотѣ 1512 года, присланной въ Ергольскій «Ямъ (А. А. Э. I. N° 156), въ грамотѣ 1606 года въ Пермь (А. «А. Э. II. N° 54) и во многихъ другихъ. А когда содержаніе мо-«стовъ и дорогъ составляло повинность жителей, слѣдовательно мо-«стовщина и перевозъ, какъ пошлины, составляли чистый доходъ «правительства, и т. Осокинъ напрасно старается отличить ихъ «отъ мыта и головщины тѣмъ, что будто характеръ ихъ не есть «чисто финансовый*». Въ отвѣтъ на это считаю нужнымъ замѣтить, что я вовсе не думалъ утверждать, будто содержаніе мостовъ и перевозовъ не принадлежало къ повинностямъ жителей. Доказательствомъ могутъ служить слова, находящіяся на 36 стр. моего сочиненія: «*первоначально, устройство мостовъ и перевозовъ, по недо-«статку денежныхъ доходовъ правительства, не было производимо «на счетъ казны, а составляло личную повинность гражданъ. Даже «въ XVI ст., не всѣ издержки на мосты и перевозы казеннаго вѣ-«домства были принимаемы на счетъ казенныхъ доходовъ: часть была «замѣняема личными повинностями. Такъ грамотою 1596 года пове-«лѣно было мосты на малыхъ рѣчкахъ, попортившіеся во время ве-«шняго разлива, подтыкать ближними сохами, хотя въ обыкно-«венныхъ случаяхъ поправка судовъ и плотовъ была производима изъ*

Между этою мыслью и различеніемъ, которое встрѣчается въ моей книгѣ, мостовъ казенныхъ отъ частныхъ, думаю, нѣтъ никакого противорѣчія. Доказательствомъ того, что право учреждать мосты и перевозы и взимать съ нихъ пошлины принадлежало на Руси правительству и только чрезъ пожалованіе передавалось частнымъ лицамъ, можетъ служить и то, что за злоупотребленія всѣ частные мосты, даже и не самовольно открытые, были иногда отбираемы въ казну, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ за издержки на нихъ употребленныя, — мѣра, принимаемая, кажется, не только въ видахъ народнаго благосостоянія, но и въ финансовыхъ видахъ. Что разумѣлъ почтенный професоръ подъ словами»: «*противъ «этого говоритъ всѣ*», мнѣ неизвѣстно.

«казенныхъ денегъ, выручаемыхъ за провозъ. О повинности мостить «мосты упоминается также во многихъ жалованныхъ грамотахъ». Изъ этого видно, что правительство въ XVI столѣтіи дѣйствительно участвовало въ содержаніи мостовъ и перевозовъ, нерѣдко возлагаемомъ и въ видѣ повинности на окрестныхъ жителей. Приведенная выше царская грамота въ Устюжну Желѣзо-Польскую, на которую самъ г. Бѣляевъ дважды ссылался въ своей рецензіи, ясно показываетъ это. Въ ней прямо предписано по взятіи мостовъ и перевозовъ въ казенное вѣдомство производить поправку судовъ и плотовъ изъ перевозныхъ денегъ, слѣдовательно изъ того дохода, который долженъ былъ итти въ казну; поправку же мостовъ на малыхъ рѣкахъ распредѣлять на ближніе сохи. Такъ-какъ это предписаніе распространялось въ означенное время на всѣ мосты и перевозы Руси, то очевидно, что тогда участіе правительства въ содержаніи мостовъ и перевозовъ было значительно. Я имѣлъ такимъ образомъ полное право сказать о мостахъ и перевозахъ, что характеръ ихъ не былъ чисто финансовый.

Г. Бѣляевъ заключаетъ критическій обзоръ перваго отдѣла первой части моего сочиненія замѣчаніемъ, что я не упомянулъ въ числѣ проѣзжихъ пошлинъ о ратномъ дѣлѣ, дѣтинномъ и церковной пошлинѣ, названія которыхъ встрѣчаются въ жалованной грамотѣ в. к. Ивана Васильевича 1465 года Сергіеву монастырю, освобождавшей отъ нихъ ладьи и паузки Сергіева монастыря при проѣздѣ ихъ въ Уфу и на Бѣлоозеро и что *побережное*, названное въ той же грамотѣ, я отнесъ несправедливо къ торговымъ пошлинамъ. Но о *побережномъ* я говорю на стр. 24, 115 и 149 (прим). На стр. 24 сказано: *«Если за окладное дѣйствіе, при наложеніи «водянаго мыта, принимали самов приставаніе судовъ къ берегамъ, «то пошлина судовая называлась побережнымъ»*. Въ примѣчаніи на стр. 149 встрѣчаются слѣдующія слова: *«о побережникахъ упоми«нается уже въ Ханскихъ Ярлыкахъ. Иногда побережное брали самымъ «товаромъ, которымъ было нагружено судно. Побережное взималось въ «одинаковой величинѣ съ судна, чьмъ бы оно ни было нагружено»* и проч. На стр. 115, гдѣ рѣчь идетъ о преобразованіи проѣзжихъ пошлинъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ числѣ ихъ вмѣстѣ съ мытомъ и другими пошлинами говорится и о побережномъ. Изъ этого, кажется, достаточно видно, что я отношу побережное не къ торговымъ, а къ проѣзжимъ пошлинамъ.

Что же касается до *ратнаго дѣла, дѣтиннаго и церковной пошлины*, то я не говорилъ объ нихъ въ своей книгѣ по очень простой и ясной причинѣ: эти сборы не принадлежали къ числу таможенныхъ пошлинъ. *Ратное дѣло* было сборомъ натурою или деньга-

ми на содержаніе войска и слѣдовательно относилось къ ратной повинности; церковная же пошлина, какъ самое названіе показываетъ, взималась не въ пользу государства, а въ пользу церкви, а потому не принадлежала къ области финансовъ. Точное значеніе *дѣтинаго* мнѣ неизвѣстно, потому-что въ источникахъ встрѣчается одно только его названіе, но я думаю, что этимъ именемъ называлась также одна изъ повинностей. По всей вѣроятности это была повинность, лежавшая на мѣстныхъ жителяхъ строить дѣтинецъ. О дѣтинцѣ упоминается уже въ половинѣ XII стол. (Лавр. лѣт., стр. 145 1152 г.): «*повелѣша людемъ всѣмъ бѣжати изъ острога въ дѣтинецъ*». (Ср. Ипат. лѣт., стр. 70, 1152 г.). «*Изяславъ же пришедъ къ Бѣлугороду и стоя около дѣтинца 4 недѣли, острогъ бяше Ростиславъ до него самъ пожегъ*». (Ипат. лѣт., стр. 90, 1161 г.). Еслибъ мнѣ должно было помѣщать въ числѣ таможенныхъ пошлинъ всѣ сборы, о которыхъ упоминается въ тарханныхъ грамотахъ, то я долженъ бы былъ говорить и о ямѣ и о подводахъ и о посошномъ и о другихъ сборахъ, вовсе не относящихся къ моему предмету.

Говоря о явкѣ, г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что я напрасно отдѣляю ее отъ головщины. «*Онъ*», говоритъ г. рецензентъ, «*не составляли отдѣльныхъ пошлинъ; явкой именно называлась головщина, взимаемая при пріѣздѣ на торгъ*». Въ-слѣдъ за тѣмъ онъ приводитъ въ доказательство слѣдующее мѣсто таможенной грамоты 1571 года: «*А которые гости и торговые люди учнутъ пріѣзжати, и тѣмъ гостемъ и купцомъ являться таможникомъ; а таможникомъ съ тѣхъ гостей и съ торговыхъ людей явка, а съ товаровъ ихъ тамга и всякіе пошлины имати.....съ Новгородца съ городскаго человѣка съ рубля Московскаго противъ тамги, по полуторы московки, да противъ замытные пошлины съ рубля по денгѣ, да сколько у него людей на судѣ или на плоту, а съ тѣхъ со всѣхъ людей имати по старинѣ съ головы по денгѣ по московской*» (А. А. Э. т. I. N° 77). По моему мнѣнію нельзя смѣшивать головщину съ явкою, не смотря на то, что обѣ были личными пошлинами, падавшими не на товаръ, а на самыхъ торговыхъ людей. Существенное различіе между тою и другою пошлиною состоитъ въ томъ, что головщина была личною проѣзжею пошлиною, а явка личною торговою. Поэтому головщина взимаема была только при проѣздѣ мимо городовъ и торжковъ или при привозѣ товаровъ въ города и торжки, что̀ и составляло при этой пошлинѣ окладное дѣйствіе, явка же собиралась при объявленіи товара и намѣренія торговать. Торговые люди, даже не торгующіе въ городѣ, черезъ который проѣзжали, подвергались головщинѣ. Явку напротивъ пла-

тили только пріѣзжавшіе съ товаромъ *торговать*. Источники прямо говорятъ, что даже лица, пріѣзжавшія для покупки чего-либо для собственнаго употребленія или продающіе съѣстные припасы не въ большомъ количествѣ, не платили явки. Головщину за проѣздъ брали за немногими исключеніями и съ мѣстныхъ городскихъ жителей, пріѣзжавшихъ въ свой городъ изъ другихъ мѣстъ, кромѣ иногородцевъ и иноземцевъ. Явочную же пошлину брали только съ пріѣзжихъ иногородцевъ и иностранцевъ при объявленіи ими намѣренія торговать; городскіе жители въ мѣстѣ своего жительства обыкновенно не платили явочной пошлины, хотя, имѣя въ виду торговать, обязаны были являться въ таможнѣ и являть свои товары, на-равнѣ съ иногородцами и иностранцами. Откупная Новгородская грамота 1586 года и другіе акты доказываютъ это. При головщинѣ различали водяную пошлину отъ сухопутной по различію людей, пріѣзжавшихъ сухимъ путемъ и водою; при явкѣ, какъ падавшей уже не на проѣздъ торговыхъ людей, этого различія не было и не могло быть. Все это указываетъ на существенное различіе двухъ пошлинъ. Мѣсто, приводимое г. Бѣляевымъ, нисколько не доказываетъ его мнѣнія. Изъ словъ таможенной грамоты 1571 года, на которую и я ссылаюсь на стр. 53 своего сочиненія, нельзя вывести, что явка и головщина одно и то же. Видно только то, что съ пріѣзжихъ гостей и торговыхъ людей брали явку, какъ личную торговую пошлину, съ товаровъ брали тамгу и другія пошлины, да кромѣ того съ головы по деньгѣ Московской со всѣхъ людей, находящихся на суднѣ и на плоту. Въ послѣднихъ словахъ приводимаго мѣста говорится о головщинѣ. Мнѣ кажется, что это мѣсто именно указываетъ на различіе явки отъ головщины.

Разсматривая опредѣленіе гостинаго и другихъ съ нимъ сродныхъ пошлинъ, рецензентъ, соглашаясь со многими изъ моихъ выводовъ, замѣчаетъ, что я не вполнѣ исчерпалъ предметъ, опредѣляя гостиное или личною пошлиною съ пріѣзжихъ торговцевъ, или платою за наемъ лавокъ или анбаровъ на гостиномъ дворѣ. «*Конечно*», продолжаетъ г. Бѣляевъ, «*и то и другое объясненіе имѣ-*«*ютъ основаніе, но только въ позднѣйшихъ памятникахъ; въ дре-*«*вности же гостиная пошлина взималась не съ лица и не за наемъ* «*анбара, но только за привозъ товара на торгъ*»; *такъ въ бѣлоозер-*ской *грамотѣ 1497 года прямо сказано: «со всѣхъ» (пріѣзжихъ иногородцевъ) «имати тама по старинѣ съ рубля по алтыну; да* «*у всѣхъ же у тѣхъ имати съ саней по полуденгѣ, за церковную* «*пошлину и за гостиное, что емлютъ на Москвѣ*». (А. А. Э. I. N° 134). При всемъ уваженіи къ почтенному рецензенту, я не могу умолчать о двухъ значительныхъ погрѣшностяхъ, сдѣланныхъ имъ

въ его возраженіи. Первая состоитъ въ томъ, что мое объясненіе гостинаго, какъ личной пошлины, основывается не на позднѣйшихъ памятникахъ, а на словахъ уставной грамоты Смоленскаго князя Ростислава, относящейся къ половинѣ XII вѣка. Вторая ошибка еще важнѣе: г. Бѣляевъ толкуетъ совершенно несправедливо мѣсто, имъ приводимое. На слова уставной бѣлоозерской грамоты 1497 года ссылаюсь и я въ 145 прим. къ своей книгѣ. Еслибъ можно было вывести изъ нихъ то, что желаетъ заключить г. Бѣляевъ, то я безъ сомнѣнія упомянулъ бы о новомъ понятіи гостинаго въ текстѣ своего сочиненія или по крайней мѣрѣ въ примѣчаніи. Къ сожалѣнію объясненіе г рецензента не можетъ быть никоимъ образомъ принято. И вотъ причины. 1. По его толкованію выходитъ, что за гостиное и за церковную пошлину (за двѣ пошлины вмѣстѣ) берется только полденги съ каждыхъ саней. Полденьги наименьшее количество, взимаемое въ видѣ одной пошлины. Въ актахъ мы не встрѣчаемъ нигдѣ меньшей величины сбора; между тѣмъ въ этомъ случаѣ приходится на двѣ пошлины только полденьги. 2. Если опредѣлено брать полденьги съ саней за церковную пошлину и за гостиное, то слова: «*что емлютъ на «Москвѣ*», оказываются совершенно лишними. Ошибка г. Бѣляева произошла, кажется, отъ того, что онъ опустилъ изъ виду то обстоятельство, что проѣзжая пошлина—*мыто*—часто называлась просто *пошлиною съ возовъ и саней*. Слѣдующія мѣста источниковъ доказываютъ это. Въ той же уставной бѣлоозерской грамотѣ сказано: «*а привезетъ кто Бѣлозерецъ городскій человѣкъ, окологородецъ «и изъ всѣхъ волостей Бѣлозерскихъ ленъ, лукъ, чеснокъ, орѣхи, «яблоки, макъ, золу, деготь и имъ имать съ воза и съ саней по денъ «зѣ*» (А. А. Э, I, стр. 100. Подобное можно найти тамъ же стр. 139, 223, 295, 432. II. т. А. А. Э. 71. 144. III. 162. Собр. Госуд. Грам. II. ч. стр. 53, 54 и проч.). Соображая все это, приведенное г. Бѣляевымъ мѣсто я понимаю, и кажется справедливо, слѣдующимъ образомъ: со всѣхъ (пріѣзжихъ иногородцевъ) брать тамгу по старинѣ по алтыну съ рубля, да со всѣхъ же ихъ брать по полденгѣ съ саней (это проѣзжая пошлина съ саней, дѣйствительно иногда взимаемая въ такомъ количествѣ, какъ видно изъ грамоты 1571. [Собр. Г. Гр. II ч., стр. 53]); *за церковную пошлину и за гостиное брать то, что емлютъ на Москвѣ*. Оказывается, что изъ приведеннаго рецензентомъ мѣста вовсе не видно, что гостиное было взимаемо за привозъ товара на торгъ.

Далѣе г. Бѣляевъ говоритъ, что въ число гостиныхъ пошлинъ я не включилъ *помѣстнаго*, которое взималось съ товаровъ въ такомъ случаѣ, когда кто-либо, купивъ на гостиномъ дворѣ при-

возный товаръ, не свозя его съ мѣста, продавалъ на гостиномъ же дворѣ. Объ этой пошлинѣ упоминается въ таможенной грамотѣ 1586 года. Отвѣчаю: я не упомянулъ объ этой пошлинѣ, потому-что она ничто иное, какъ гостиная пошлина, взимаемая съ товара, перепродаваемаго на гостиномъ дворѣ. Эта пошлина не имѣла вовсе характера самостоятельной пошлины. Притомъ же не всѣ сборы, о которымъ упоминается въ таможенныхъ грамотахъ, могутъ быть таможенными пошлинами. Въ уставной таможенной грамотѣ 1598 г. о сборѣ въ городахъ Каргополѣ, Турчасовѣ, Устьможѣ и Мехренгѣ разнаго рода пошлинъ (Собр. Гос. Грам. II, стр. 136) говорится напр. о *тепловомъ*, которое брали таможники съ торговыхъ людей на гостиныхъ дворахъ, и *хожеломъ*, которое брали пристава, но уже-ли эти сборы должны быть отнесены къ таможеннымъ пошлинамъ?

Признавая справедливымъ мое объясненіе пошлинъ *свальное, вѣсчее, контарное, подъемное, рукознобное, помѣрное, покоречное, пятно, писчее, роговое, привязное и узолцовое* и соглашаясь со мною въ опредѣленіи характера *тамги*, почтенный рецензентъ замѣчаетъ относительно пошлины *осмничее*, что я неправильно утверждаю, будто бы эта пошлина первоначально взималась въ одинаковомъ количествѣ съ тамгою. «*На это нѣтъ*», говоритъ г. Бѣляевъ, «*нигдѣ указаній въ источникахъ, ибо вездѣ или прямо говорится, «что тамга гораздо менѣе осмничьего, какъ напримѣръ въ Дмитровской грамотѣ 1521 г.: «тамга имати у всѣхъ у тѣхъ «таможниковъ по старинѣ съ рубля по алтыну, да осмничье има- «ти таможникомъ съ того же рубля по денгѣ» (А. А. Э. I. № 170); «или тамга въ осминничимъ не отдѣляются, т. е. назначается за там- «гу и осмничье нераздѣльно одна общая плата; такъ напримѣръ въ «договорной грамотѣ Московскаго князя съ Тверскимъ 1484 года ска- «зано: «а тамги и восьминичего отъ рубля алтынъ (Соб. Гос. «Грам. и Дог. т. I., стр. 120). Конечно, это свидѣтельство*», продолжаетъ рецензентъ, «*не значитъ, чтобы взималось по алтыну съ ру- «бля и на тамгу и на осминичье, а какъ раздѣлялся алтынъ между «сими двумя пошлинами не видно, слѣдовательно и по свидѣтельству «сей грамоты и другихъ таковыхъ же, на которыя ссылается г. Осо- «кинъ, не льзя еще заключать, чтобы тамга и осминничье взима- «лись въ одинаковомъ количествѣ, особенно когда другія грамоты, по- «добно выше приведенной 1521 года, всѣ единогласно утверждаютъ, «что осминничье было гораздо меньше тамги*». Замѣчу на это прежде всего, что вѣроятно по какому-либо недоразумѣнію или даже невольной ошибкѣ, рецензентъ говоритъ, что тамга по указаніямъ источниковъ была гораздо менѣе осминичего. Цитата, имъ приведенная,

и послѣднія слова его возраженія прямо тому противорѣчатъ. На стр. 109 моего сочиненія я самъ утверждаю, что въ XVI столѣтія осминичее было взимаемо въ количествѣ, менѣе значительномъ сравнительно съ тамгою, но я не могу согласиться съ г. Бѣляевымъ въ томъ, что тамга и осминничье первоначально не были взимаемы въ равной величинѣ. Слова источниковъ: *«а тамги и восьминичего отъ рубля алтынъ»*, встрѣчающіеся не только въ договорной грамотѣ 1484 г., но и въ дог. гр. в. князя Василія Дмитріевича съ Тверскимъ в. княземъ 1398 г. (А. А. Э. I, стр. 10), также въ договорныхъ грамотахъ 1451 г. (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, стр. 175) и 1462 г. (Собр. Гос. Грам. и Дог. стр. 214), можно понимать двояко: или взималось тамги алтынъ и осминичего алтынъ, или приходилось три деньги на тамгу и три деньги на осминичее. Послѣднее предположеніе для XIV и XV столѣтія кажется вѣроятнѣе; потому-что только во времена позднѣйшія, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, начали брать съ иногородцевъ тамги по 6 и 7 денегъ и притомъ исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были сравнены съ иноземцами. Если бы величина двухъ пошлинъ, тамги и осминичего, была различна въ XIV и XV столѣтіяхъ, то объ этомъ было бы непремѣнно упомянуто въ договорныхъ грамотахъ, такъ-какъ вездѣ, во всѣхъ историческихъ памятникахъ не только величина различныхъ пошлинъ опредѣляется отдѣльно и ясно, но даже указывается прямо, за немногими исключеніями и предметъ, съ котораго взималась каждая пошлина. Умолчаніе о различной величинѣ отдѣльныхъ пошлинъ допустить не льзя, потому-что оно повело бы къ чрезвычайной неопредѣленности и произволу во взиманіи пошлинъ.

Разсмотрѣвъ всѣ замѣчанія г. Бѣляева, долгомъ считаю присовокупить въ заключеніе, что не смотря на то, что я не могъ согласиться съ мнѣніями почтеннаго рецензента, я вполнѣ ему благодаренъ за добросовѣстный и ученый разборъ моей книги. Его возраженія заставили меня снова повѣрить по источникамъ выводы, мною сдѣланные, и, можетъ быть, высказать нѣкоторыя мысли яснѣе и опредѣленнѣе. Образованные читатели, знакомые съ моею книгою и возраженіями противъ нея сдѣланными, теперь легко могутъ рѣшить сами, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ: я или ученый рецензентъ моего сочиненія.

Обращаюсь къ рецензіи моей книги, помѣщенной въ Современникѣ (Декабрь 1850 г).

Рецензентъ Современника, не подписавшій своего имени, еще не приступая къ разбору моего сочиненія, разсуждаетъ предварительно о новости и важности историческаго изложенія финансовыхъ вопросовъ Россіи. Я не буду останавливаться на мнѣніяхъ, вы-

сказанныхъ имъ во вступленіи къ его критической статьѣ, впрочемъ довольно извѣстныхъ, и перейду непосредственно къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя онъ дѣлаетъ на мою книгу. Рецензентъ находитъ прежде всего, что задача, которую я выбралъ себѣ для разрѣшенія, слишкомъ широка, что, можетъ быть, наука больше бы выиграла, если бъ я ограничился предметомъ менѣе обширнымъ, но изслѣдовалъ его полнѣе и тщательнѣе. «*Недостатокъ фактической полноты и тщательнаго сличенія памятниковъ*», говоритъ онъ, «*замѣчаемый въ исторіи финансовыхъ учрежденій, равнымъ образомъ замѣчается и въ трудѣ г. Осокина. Все сочиненіе, обнимающее внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи отъ первыхъ извѣстій памятниковъ до половины XVIII ст, авторъ умѣстилъ на девяти печатныхъ листахъ довольно разгонистой печати. Между тѣмъ подробный разборъ свидѣтельствъ объ исторіи одной тамги можетъ составить отдѣльную и не малую статью. Понятно, что разбираемое нами сочиненіе г. Осокина*», продолжаетъ рецензентъ, «*по широкому значенію своей задачи и по своему небольшому внѣшнему объему, не могло имѣть надлежащей полноты. Авторъ ограничился болѣе общимъ изложеніемъ; онъ даже не приводитъ тѣхъ подлинныхъ мѣстъ памятниковъ, которыя послужили ему для сдѣланія различныхъ выводовъ, а представляетъ выводы прямо, цитуя въ ссылкахъ большею частію только одинъ нумеръ актовъ, изданныхъ Археологическою Коммиссіей и Экспедиціей. Кто не знаетъ запутанности въ нашей древней финансовой системѣ? Г. Осокинъ самъ не однократно указываетъ на такой ея характеръ и между тѣмъ ссылается на одинъ актъ, принадлежащій только извѣстному времени и имѣющій въ виду только извѣстную мѣстность, думая тѣмъ подтвердить выводъ, сдѣланный относительно цѣлой эпохи и всей русской земли. Оттого и повѣрить выводы автора почти не возможно. Для этого нужно снова приняться за перечитываніе и сличеніе памятниковъ. Неприведеніе подлинныхъ словъ памятниковъ въ спеціальномъ ученомъ трудѣ, обращенномъ на предметъ еще новый, не тронутый, составляетъ большой недостатокъ.* Признаюсь, прочитавъ это, я не могъ не подивиться странности выводовъ рецензента и несправедливости его показаній. Не останавливаясь уже на томъ, что въ моей книгѣ съ примѣчаніями, объясняющими и дополняющими текстъ не девять, какъ говоритъ г. рецензентъ, а 11 печатныхъ листовъ, я спрашиваю только, уже-ли содержаніе и достоинство ученыхъ сочиненій можно измѣрять количествомъ печатныхъ листовъ? Согласенъ, что объ исторіи тамги можно написать отдѣльную и немалую статью. Обширность или краткость сочиненія нерѣдко зависитъ между прочимъ и отъ

самаго образа изложенія, многословнаго или сжатаго. Можно писать цѣлыя книги о самой мельчайшей подробности ученаго предмета. Я не имѣлъ этой цѣли. Не привыкши измѣрять достоинство трудовъ ни своихъ, ни чужихъ числомъ печатныхъ листовъ, я желалъ только въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ изложить всѣ выводы, относящіеся къ исторіи таможенныхъ пошлинъ, которые можно сдѣлать на основаніи доселѣ изданныхъ источниковъ. Пусть укажетъ мнѣ рецензентъ, что я при своемъ обзорѣ опустилъ какой-либо примѣчательный фактъ, касающійся исторіи внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, не оцѣнивъ его по достоинству, и тогда я соглашусь съ справедливостію его замѣчанія, что моя исторія таможенныхъ пошлинъ неполна, что задача, мною выбранная, оказалась для меня слишкомъ широкою и я не могъ обнять ее. До тѣхъ поръ я буду смотрѣть на слова рецензента какъ на обвиненіе, ничѣмъ не доказанное. Мѣста источниковъ, безспорныя или неважныя, подтверждаемыя всѣми другими дошедшими до насъ памятниками, иногда заключающія въ себѣ одно названіе пошлины не были приводимы мною въ подлинникѣ, а означаемы въ простой цитатѣ примѣчанія по той ясной причинѣ, что желающіе повѣрить мои выводы легко найдутъ акты и въ нихъ мѣста грамотъ, относящіяся къ моимъ выводамъ. Самъ г. рецензентъ, еслибъ хотѣлъ произвести эту повѣрку (вовсе не такъ трудную, какъ ему кажется, по крайней мѣрѣ это доказываетъ рецензія г. Бѣляева), и написать основательную критическую статью, безъ сомнѣнія легко нашелъ бы и время и случай взглянуть въ акты. Тогда бы онъ конечно не говорилъ объ актахъ *Археологической* Коммиссіи и Экспедиціи, потому-что уже на заглавномъ листѣ увидѣлъ бы, что акты изданы *Археографическою*, а не Археологическою Коммиссіею и Экспедиціею. Напротивъ смѣло могу сказати, ни мало не нарушая истины, что всѣ мѣста источниковъ, сколько-нибудь важныя или по древности свидѣтельства, или по важности опредѣленія, въ нихъ заключающагося, еще болѣе мѣста спорныя были приводимы мною постоянно въ подлинникѣ и сличаемы съ мѣстами, имъ противорѣчащими. Чтобъ видѣть всю неосновательность обвиненія рецензента, что я не привожу подлинныхъ мѣстъ памятниковъ, которыя послужили мнѣ для различныхъ выводовъ, а цитую въ ссылкахъ *большею частію одинъ нумеръ актовъ*, достаточно замѣтить, что въ текстѣ моего сочиненія приводится въ подлинникѣ 83 мѣста источниковъ и кромѣ того въ примѣчаніяхъ болѣе 48. Неправедливость показаній рецезента произошла между прочимъ отъ того, что онъ такъ невнимательно читалъ книгу, которую удостоилъ своимъ разборомъ, что не замѣтилъ даже, что я цитую не нумера, а страницы актовъ, такъ-что ци-

таты, которыя по его предположенію взяты изъ одного нумера актовъ, на самомъ дѣлѣ относятся ко многимъ нумерамъ. Впрочемъ дѣйствительно случалось, что я цитовалъ и одно мѣсто источниковъ, но это только въ такомъ случаѣ, когда въ актахъ не оказывалось другого, относящагося къ разсматриваемому предмету. И это не моя вина: я не могъ вымышлять источниковъ. Но приводя изъ нихъ одинъ фактъ, я непремѣнно означалъ, къ какому времени онъ принадлежитъ и какой мѣстности касается, не думая вовсе подтверждать имъ выводы, относящіеся къ цѣлой эпохѣ и ко всей русской землѣ, какъ совершенно несправедливо и недобросовѣстно увѣряетъ г. рецензентъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ не приводитъ ни одного мѣста изъ моей книги. Но пусть читатель обратитъ вниманіе на цитаты моего сочиненія, въ которыхъ дѣйствительно указывается на одно мѣсто источниковъ, и разсмотритъ относящіяся къ нимъ слова самого текста и онъ убѣдится въ неосновательности обвиненія г. рецензента. Для примѣра приведу примѣчанія къ моей книгѣ 56, 123, 125, 127, 132, 140, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 157, 158, 159, 165, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 184, 185, 186, 192, 198, 215, 258, 264 и другія. Вездѣ указывается и на время и на мѣсто упоминаемаго факта. О возможности сдѣлать повѣрку моимъ выводамъ я уже говорилъ выше. Такая повѣрка очень облегчается множествомъ приведенныхъ въ моей книгѣ подлинныхъ мѣстъ источниковъ.

Другой и важный недостатокъ моего сочиненія рецензентъ находитъ въ отсутствіи *исторической послѣдовательности и связи*. Исторія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ раздѣлена мною на два періода: первый простирается отъ самыхъ древнихъ временъ до изданія торговаго устава 1653 г., а второй отъ 1653 г. до совершеннаго уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ въ 1757 г. «*Оба года и 1653 и 1757*», говоритъ рецензентъ, «*весьма важны въ исторіи нашихъ финансовъ, но уже ли только эти пункты и могутъ быть обозначены, какъ время финансовыхъ измѣненій? Неуже ли эпоха Петра Великаго не произвела въ исторіи даннаго вопроса никакихъ важныхъ перемѣнъ? Неуже ли во весь долій періодъ времени отъ начала XII (если не раньше) и до половины XVII столѣтія, неуже ли въ продолженіи пяти съ половиною вѣковъ вопросъ о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ у насъ существенно не измѣнялся и оставался постоянно съ одинаковымъ характеромъ? И это тогда, когда бытъ народный нѣсколько разъ измѣнилъ свои общественныя формы, когда образовавшаяся изъ отдѣльныхъ племенъ русская земля раздробилась на удѣлы и когда изъ этихъ раздробленныхъ частей родилось Московское госу-*

«дарство! Г. Осокинъ каждый періодъ своею изслѣдованія не изла-
«гаетъ соотвѣтственно его историческому развитію, постепенно и
«съ сохраненіемъ связи явленій одновременныхъ. Напротивъ, онъ при-
«нялъ въ основаніе то распредѣленіе предметовъ, какое встрѣчается
«въ теоретическихъ сочиненіяхъ о финансіи, и разсматриваетъ зна-
«ченіе каждой пошлины отдѣльно, внѣ всякаго соотношенія ея съ дру-
«гими пошлинами. Подобный недостатокъ», продолжаетъ рецензентъ, *«еще прежде мы замѣтили въ сочиненіи графа Толстаго. Работать*
«по готовымъ рубрикамъ легче и сподручнѣе; но отъ того мы не
«получимъ представленія о характерѣ извѣстной эпохи. Въ самомъ
«дѣлѣ, какъ составить себѣ понятіе о финансовомъ характерѣ
«извѣстной эпохи, если авторъ, назначивши своему изслѣдованію ра-
«зобрать цѣлыя столѣтія, излагаетъ рядомъ съ явленіями XII вѣ-
«ка явленія XV и XVI столѣтій, когда эти разновременныя явле-
«нія перемѣшаны и даже нерѣдко не указано время появленія тѣхъ
«или другихъ правительственныхъ мѣръ». — На вопросы и замѣчанія, предложенныя рецензентомъ, мнѣ не трудно отвѣчать. Частныя измѣненія, касающіяся той или другой таможенной пошлины въ отдѣльности, безъ сомнѣнія можно найти въ исторіи разсматриваемыхъ мною налоговъ и внѣ 1653 и 1757 годовъ. Иногда появляются новыя пошлины, иногда старыя исчезаютъ, порядокъ сбора той или другой пошлины дѣлается опредѣленнѣе, точнѣе опредѣляется величина сбора или пошлинный предметъ. Но *важныхъ перемѣнъ*, существенныхъ измѣненій, касающихся всѣхъ таможенныхъ сборовъ и преобразованія цѣлой ихъ системы, на основаніи которыхъ можно бы было допустить дѣленіе на періоды, дѣйствительно не встрѣчается, кромѣ двухъ означенныхъ мною годовъ. Самое царствованіе Петра Великаго, впрочемъ вообще столь важное въ исторіи нашихъ финансовъ (по введенію подушной подати, устройству лучшаго порядка въ собираніи государственныхъ доходовъ и строгаго контроля въ финансовомъ управленіи, по учрежденію Камеръ-Коллегіи, Штатсъ-Конторы и Ревизіонсъ-Коллегіи, по увеличенію многихъ источниковъ государственнаго дохода и проч.), въ исторіи внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ не составляетъ эпохи. И рецензентъ легко могъ бы убѣдиться въ томъ, еслибъ, вмѣсто того чтобъ предлагать краснорѣчивые вопросы и дѣлать громозвучныя восклицанія, потрудился заглянуть въ Полное Собраніе Законовъ. Онъ увидѣлъ бы, что, кромѣ введенія на короткое время новоуравнительной пошлины и нѣкоторыхъ мелкихъ сборовъ, взиманіе внутреннихъ таможенныхъ сборовъ при Петрѣ Великомъ происходило на основаніи Торговаго и Новоторговаго уставовъ. Во весь долгій періодъ отъ начала XII до половины XVII столѣ-

тія характеръ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ существенно не измѣнялся. Различіе между XII вѣкомъ и половиною XVII-го состоитъ только въ томъ, что въ XII вѣкѣ упоминается о немногихъ пошлинахъ, которыхъ и способъ собиранія и пошлинный предметъ и величина не были ясно опредѣлены въ дошедшихъ до насъ историческихъ памятникахъ; между тѣмъ какъ въ XVI и началѣ XVII вѣка оказывается уже гораздо болѣе пошлинъ, появившихся съ теченіемъ времени одна за другою. Пошлинные предметы, способъ взиманія и величина сборовъ съ конца XV столѣтія опредѣлены уже точнымъ образомъ въ уставныхъ грамотахъ. Постепенное появленіе разныхъ пошлинъ, видоизмѣненія въ характерѣ той или другой изъ нихъ, словомъ сказать, частныя измѣненія постоянно указываются въ моемъ изслѣдованіи съ означеніемъ времени, къ которому онѣ относились. Послѣ этого мнѣ кажется весьма страннымъ обвиненіе рецензента, что я не излагаю каждаго періода своего изслѣдованія соотвѣтственно его историческому развитію, постепенно и съ сохраненіемъ связи явленій одновременныхъ. Напротивъ въ каждомъ изъ двухъ періодовъ, на которые раздѣляется мое изслѣдованіе, я разсматриваю каждую существовавшую во время онаго пошлину, въ ея историческомъ развитіи, потому-что указываю на постепенныя измѣненія въ ея характерѣ. Связь одновременныхъ явленій соблюдена, потому-что при каждой пошлинѣ точно показано время перваго ея появленія въ историческихъ памятникахъ и всѣхъ ея измѣненій. Отношеніе одной пошлины къ другимъ вытекаетъ уже изъ самаго опредѣленія ея характера и существенныхъ свойствъ, отличающихъ ее отъ другихъ пошлинъ. Изложить исторію таможенныхъ пошлинъ въ другомъ порядкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить характеръ и значеніе каждой отдѣльной пошлины невозможно. Столь же неосновательно упрекаетъ меня рецензентъ, что въ моемъ изложеніи разновременныя явленія перемѣшаны и что рядомъ съ явленіями XII вѣка представлены явленія XV и XVI столѣтій. Напротивъ древнѣйшія извѣстія всюду отдѣлены отъ болѣе позднѣйшихъ, даже между послѣдними, относящимися напр. къ XVI вѣку, всякое сколько нибудь важное видоизмѣненіе указано съ точнымъ означеніемъ времени. Всякій, кто возметъ на себя трудъ прочитать мою книгу, легко въ томъ убѣдится. Не болѣе основательности я нахожу и въ словахъ рецензента о готовыхъ рубрикахъ. Позволяю себѣ въ свою очередь спросить его, изъ какого теоретическаго сочиненія о «*финансіи*» (какъ онъ выражается) взято мною распредѣленіе предметовъ, встрѣчающееся въ моемъ сочиненіи? Пусть онъ укажетъ мнѣ хотя на одно сочиненіе, въ которомъ бы была

изложена теорія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. Я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ такой книги и съ большимъ бы удовольствіемъ познакомился съ нею. Въ ожиданіи этого смѣю увѣрить неизвѣстнаго мнѣ рецензента, что и опредѣленіе внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и ихъ раздѣленіе на проѣзжія и торговыя и подраздѣленія пошлинъ внутри этихъ двухъ классовъ столько же, сколько самое объясненіе ихъ характера и исторіи, основаны на историческихъ нашихъ памятникахъ, на долгомъ и тщательномъ соображеніи и сличеніи разныхъ мѣстъ Собранія Госуд. Грамотъ и Договоровъ и Актовъ Коммиссіи и Экспедиціи Археографической (не *Археологической*), а не на какихъ-либо теоретическихъ сочиненіяхъ о финансахъ. Самъ графъ Толстой въ своей исторіи финансовыхъ учрежденій могъ заимствовать изъ теоретическихъ сочиненій только главное раздѣленіе источниковъ государственнаго дохода на подати, сборы, судныя пошлины, регаліи и государственныя имущества. Въ моемъ сочиненіи нѣтъ и этого заимствованія.

Рецензентъ въ доказательство того, что я или просто умалчиваю о времени различныхъ мѣръ, или вмѣсто точнаго обозначенія употребляю выраженія *общія*, приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ моей книги. Я разсмотрю каждый изъ нихъ отдѣльно. На стр. 26 *(не 261*, какъ сказано у рецензента) моего сочиненія встрѣчаются слѣдующія слова: «*иногда даже всѣ частные мыты «на время были отбираемы правительствомъ въ казенное управле«ніе*». — «*Когда это было*»? спрашиваетъ рецензентъ,—«*отвѣта «нѣтъ; иной читатель, пожалуй, отнесетъ къ XIII столѣтію; по«тому что мытъ существовалъ и въ это время*». Отвѣчаю: читатель, не отдѣляющій выраженія отъ предыдущихъ и послѣдующихъ словъ, съ которыми оно находится въ связи, не сдѣлаетъ такой ошибки, потому-что стоитъ только начать читать 6-ю строками выше, то и окажется, что въ приведенномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о концѣ XVI столѣтія, къ которому и относится мѣра, предписанная грамотою 1596 года и излагаемая въ выше означенныхъ словахъ моего сочиненія. Вотъ цѣлая мысль въ ея связи, какъ она у меня изложена: «*Въ концѣ XVI столѣтія уже было «много частныхъ мытовъ на Руси, въ томъ числѣ не мало само«вольныхъ . . . . . Они составляли злоупотребленіе, противъ котораго «Правительство постоянно принимало свои мѣры: или уничтожало «самовольно открытые мыты, подвергая штрафамъ собирателей по«шлинъ, или отбирало такіе мыты въ казну. Иногда даже всѣ «частные мыты были на время отбираемы въ казенное управленіе*».

Далѣе рецензентъ выписываетъ слѣдующія мѣста моей кни-

ѣи, означая курсивомъ, слова, по его мнѣнію, неопредѣленныя. На стр. 13 говорится: «*въ послѣдствіи преимущества монастырей «были значительно ограничены*». На стр. 39: «*строго было воспре-«щено собирать мостовыя и перевозныя деньги сверхъ указу. Съ «теченіемъ времени однакожъ вкралось много злоупотребленій.*» На стр. 41 моего сочиненія сказано: «*Сельскіе жители въ древ-«вности, кажется, не имѣли права производить торговлю въ «мѣстахъ своего жительства*». — «*Но что собственно значитъ*», говоритъ рецензентъ, «*въ послѣдствіи, съ теченіемъ време-«ни, въ древности — неизвѣстно*». Я принужденъ здѣсь снова повторить, что выписки сдѣланы рецензентомъ и въ этомъ случаѣ отрывочно и безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ для цѣли весьма понятной: посредствомъ подобныхъ выписокъ всего легче представить каждое сочиненіе не тѣмъ, что оно есть на самомъ дѣлѣ. Слова: *въ послѣдствіи*, встрѣчающіяся на стр. 13 моей книги, относятся къ началу уничтоженія тархановъ, къ 1549 году, который и приведенъ мною нѣсколько строкъ ниже, на той же страницѣ. На стр. 39 выраженіе: *съ теченіемъ времени* относится къ царствованію Ѳеодора Ивановича, какъ это и сказано чрезъ нѣсколько строкъ. Здѣсь идетъ рѣчь опять объ указѣ 1596 г., касавшемся не только мыта, но и мостовщины и перевоза. Злоупотребленія, *съ теченіемъ времени* вкравшіяся при собраніи мостовыхъ и перевозныхъ денегъ, исчисляются въ этомъ самомъ указѣ. Что касается до послѣдняго мѣста, приводимаго рецензентомъ: «*сельскіе жители въ древности, кажется, не «имѣли права производить торговлю, въ мѣстахъ своего житель-«ства*», то еслибъ рецензентъ потрудился выписать еще двѣ строки, за тѣмъ слѣдующія, читатель и увидѣлъ бы, что должно понимать подъ выраженіемъ: *въ древности*. Дѣйствительно въ моей книгѣ непосредственно за приведеннымъ выше мѣстомъ находятся слѣдующія слова: «*по крайней мѣрѣ извѣстно, что В. К. Вла-«димiръ въ 1006 году запретилъ боларскимъ гостямъ торговать «съ сельскими жителями*».

Далѣе г. рецензентъ упрекаетъ меня въ томъ, что въ моемъ сочиненіи часто встрѣчаются выраженія: «*кажется*», «*можетъ «быть*» «*вѣроятно*» и тому подобныя, приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ моей книги и наконецъ говоритъ: «*на что указываютъ «всѣ подобныя выраженія? на недостатокъ твердыхъ, положитель-«ныхъ выводовъ. А между тѣмъ всѣ подобныя выраженія имѣютъ «цѣлію отвѣчать на многіе важные вопросы въ исторіи русской фи-«нансіи..... Эта нетвердость въ выводахъ*», продолжаетъ онъ, *это со-«мнѣніе автора въ своихъ собственныхъ словахъ болѣе всего кладутъ на*

«его трудъ печать поспѣшности». Считаю долгомъ сказать на это въ отвѣтъ, что означенныя выраженія, встрѣчающіяся въ моей книгѣ, указываютъ не на шаткость и нетвердость выводовъ, а только на недостатокъ историческихъ извѣстій о нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинахъ, на невозможность по существующимъ матеріаламъ, нерѣдко малочисленнымъ или противорѣчащимъ, съ несомнѣнностію опредѣлить характеръ той или другой пошлины и на возможность появленія новыхъ источниковъ, могущихъ если не опровергнуть, то по крайней мѣрѣ видоизмѣнить выводы, сдѣланные на основаніи историческихъ памятниковъ, доселѣ изданныхъ. Если я высказываю свои выводы не такъ безусловно и положительно, какъ этого, можетъ быть, желалъ бы рецензентъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что я сомнѣваюсь въ собственныхъ своихъ словахъ. Я добросовѣстно воспользовался всѣми, изданными до 1850 года историческими матеріалами, относящимися къ моему предмету, а потому не могу быть обвиненъ справедливо ни въ поспѣшности, ни въ сомнѣніи въ своихъ собственныхъ словахъ. Выводы, какіе можно было сдѣлать на основаніи существующихъ источниковъ, мною сдѣланы. И не моя вина, что они невсегда представляются положительными и несомнѣнными. Неопредѣленность характера нѣкоторыхъ пошлинъ условливается самымъ количествомъ и качествомъ источниковъ. Мнѣ не было бы ничего легче, какъ выпустить означенныя выраженія и высказать свои выводы догматическимъ, положительнымъ образомъ. Но въ такомъ случаѣ я поступилъ бы недобросовѣстно и подвергся бы справедливому упреку со стороны знатоковъ отечественной исторіи и ея источниковъ. Считаю нужнымъ присовокупить, что выраженія: *кажется, можетъ быть, вѣроятно* и проч. весьма часто встрѣчаются и на страницахъ сочиненій Эверса, Рейца, Неволина и другихъ извѣстныхъ писателей, которыхъ однакожъ никто не обвиняетъ за то ни въ поспѣшности, ни въ нетвердости выводовъ.

«Не уяснивъ себѣ характера различныхъ и разновременныхъ «явленій, ихъ связи и послѣдовательности», продолжаетъ г. рецензентъ, *«не льзя дать себѣ отчета, почему и на какомъ осно-«ваніи совершилось извѣстное движеніе или развитіе народнаго бы-«та. Вотъ почему г. Осокинъ не замѣтилъ многихъ коренныхъ пе-«ремѣнъ въ финансовой системѣ, которыя условливались зарожденіе-«мъ и дальнѣйшею жизнію государственныхъ идей. Иначе онъ «бы отмѣтилъ княженіе Іоанновъ III и IV, какъ время, опредѣли-«вшее новую степень финансоваго развитія. Но у г. Осокина финан-«совыя явленія XV — XVII столѣтій»*, говоритъ рецензентъ, *«сли-«ты съ подобными же XII — XIV столѣтій, слиты до того, что*

«всѣ они подведены подъ уровень одной характеристики и введены въ «составъ одного періода. Не смотря на это, самъ авторъ безпрерывно должень былъ замѣчать, что такая-то пошлина болѣе или «менѣе измѣнилась въ своемъ характерѣ съ XV и XVI вѣка». (*См. стр. 22, 25, 50, 67 и мн. друг.*)

Во всей этой тирадѣ, признаюсь, я не встрѣтилъ ничего, кромѣ общихъ и неопредѣленныхъ, хотя и громкихъ фразъ, нимало не относящихся къ моему сочиненію. Рецензентъ обвиняетъ меня, что я не замѣтилъ коренныхъ перемѣнъ въ финансовой системѣ, условливаемыхъ зарожденіемъ и дальнѣйшею жизнью *государственныхъ* идей. Какихъ перемѣнъ—онъ этого не объясняетъ. «*Княженіе Іоанновъ III и IV*», выражется онъ далѣе и столь же темно и неясно, «*опредѣлило новую степень финансоваго развитія*». Какую—неизвѣстно. Но положимъ, что замѣчанія рецензента при всей ихъ общности и неопредѣленности оказываются, и можетъ быть даже безъ его вѣдома, въ извѣстной степени справедливыми; положимъ, что относительно нѣкоторыхъ вѣтвей финансоваго управленія, напр. относительно прямыхъ налоговъ, княженіе Іоанна III дѣйствительно составляетъ эпоху. Чтожь изъ этого слѣдуетъ? Ровно ничего, относящагося къ моему сочиненію. Я писалъ не о финансовой системѣ древней Россіи, не о цѣломъ ея финансовомъ развитіи, а только о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ, въ которыхъ ни Іоаннъ III, ни Іоаннъ IV не произвели никакихъ коренныхъ перемѣнъ, а потому я и не отмѣтилъ ихъ княженій, какъ образовавшихъ особую эпоху. Что въ моемъ сочиненіи характеръ различныхъ и разновременныхъ явленій опредѣленъ ясно, сколько это возможно при существующихъ нынѣ источникахъ, и что связь и послѣдовательность явленій также были указываемы мною, объ этомъ я имѣлъ уже случай замѣтить выше. Равнымъ образомъ я отвѣчалъ и на обвиненіе, что я слилъ финансовыя явленія XV—XVII столѣтій съ подобными XII—XIV, показавъ выше всю его несправедливость.

Рецензентъ указываетъ далѣе на неопредѣленность и отчасти ошибочность нѣкоторыхъ положеній, встрѣчающихся въ моей книгѣ. По мнѣнію его принятое мною положеніе, что «*Монголы имѣли насильственное, но рѣшительное вліяніе на быстрое распространеніе пошлинъ въ нашемъ отечествѣ*», ни сколько не доказано, потому-что оно основывается только на словѣ *тамга*. «*Намъ кажется*», говоритъ рецензентъ, «*что при рѣшеніи даннаго вопроса необходимо объяснить слово тамга филологически (оно встрѣчается еще въ Ярославовомъ церковномъ судѣ) и разсмотрѣть, какіе сборы вводили азіатскіе народы между покоренными племенами и*

«какія пошлины взимались въ ихъ собственной средѣ. А безъ того, «можетъ быть, мнѣніе автора и справедливо, а можетъ быть и «нѣтъ». — Такъ-какъ на подобное замѣчаніе г. Бѣляева я отвѣчалъ выше и притомъ подробно, то это освобождаетъ меня отъ обязанности распространяться о томъ же предметѣ въ другой разъ. Считаю нужнымъ только замѣтить г. рецензенту, что тамга во всякомъ случаѣ есть пошлина, введенная у насъ и распространенная Монголами. Если въ Уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ и встрѣчается названіе тамги (на что я указываю въ своемъ сочиненіи на стр. 87 и 162, прим. 271), то это безъ сомнѣнія прибавленіе позднѣйшаго времени тѣмъ болѣе, что слово тамга встрѣчается только въ Архангельскомъ лѣтописцѣ, сообщающемъ одно начало Устава. Лѣтописцы напротивъ приписываютъ прямо требованіе тамги Монголамъ. Филологическія изысканія о словѣ тамга[1]) и изслѣдованіе о сборахъ, существовавшихъ у азіатскихъ народовъ и вводимыхъ ими у покоренныхъ племенъ, предоставляю ученымъ, спеціально занимающимся литературою азіатскихъ языковъ и исторіею Востока. Я не могъ принять на себя разсмотрѣніе означенныхъ вопросовъ, не выходя изъ предѣловъ задачи, которую я предложилъ себѣ для рѣшенія. — *«До сихъ поръ необъ-«сненный сборъ костки»*, говоритъ рецензентъ, *«г. Осокинъ счита-«етъ личною пошлиною съ людей, проѣзжавшихъ съ товарами; но «мнѣніе его остается только сомнительною догадкою — не болѣе. Самъ «авторъ чувствовалъ неубѣдительность своего мнѣнія, потому что «всѣ разсужденія свои о косткахъ основалъ на словахъ вѣроятно и «кажется. . . . Другихъ выводовъ и невозможно было представить «безъ розысканій филологическихъ, потому что источники не объ-«сняютъ смысла стариннаго слова костокъ, а филологическихъ соо-«браженій авторъ нисколько не коснулся»*. — Я объяснилъ уже выше, почему и въ какихъ случаяхъ я употреблялъ слова: *вѣроятно* и *кажется*. И такъ, не останавливаясь болѣе на этомъ, считаю нужнымъ возразить рецензенту, что филологическія соображенія, относящіяся къ слову: *«костки»*, не были вовсе опущены мною изъ вида. На стр. 33-й своей книги я привелъ три объясненія этого слова и между ними остановился, какъ на болѣе близкомъ къ истинѣ, на объясненіи Снегирева, по словопроизводству котораго костки оказываются пошлиною за право ѣхать по большой дорогѣ.

Далѣе рецензентъ, возражая противъ моего мнѣнія, *«что пра-*

[1]) Впрочемъ доказывается въ моемъ сочиненіи (стр. 91 и 162) на основаніи источниковъ, что тамга означала *печать, клеймо*: *«Также рекше и ярлыкъ со алою тамгою дали есмя»*. (Соб. Гос. Грам. II, стр. 13).

«вительство опасалось дозволеніемъ сельскихъ торговъ подорвать та-«моженные доходы городовъ, гдѣ уже учреждены были управленіе на «вѣрь и откупа, потому что торговые люди могли, оставивъ го-«рода, обратить свой торгъ на деревни» (см. стр. 44 моего сочиненія), замѣчаетъ, что я не объясняю, когда это было. Но пусть рецензентъ обратитъ вниманіе на стр. 41, 42 и 43 и онъ увидитъ изъ всего предыдущаго, что въ приведенномъ здѣсь мѣстѣ говорится о концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.—*«Развѣ легко про-«давцу»*, продолжаетъ рецензентъ, *«перенесть торгъ изъ города въ «деревню? Мѣсто торга не зависитъ отъ произвола торгующихъ; «что нибудь значитъ также бо́льшая или мéньшая масса потре-«бителей, бо́льшее или мéньшее знакомство жителей съ удобства-«ми жизни»*. Да, перенесеніе торговли въ села, отдаленныя отъ городовъ не легко, а въ ближайшія къ городамъ весьма не затруднительно. Еслибъ такое перенесеніе торговли не было возможно и не вредило интересамъ казны, то правительство не запрещало бы торговать по селамъ подъ опасеніемъ штрафовъ (заповѣдей) и конфискаціи товаровъ, какъ это видно изъ таможенныхъ бѣлоозерскихъ грамотъ 1497 и 1551 годовъ и изъ Новгородской грамоты 1571 г. (см. А. А. Э. I, стр. 100 и 224 и Собр. Гос. Грам. и Догов. II, стр. 53. сравн. также стр. 55 и I, стр. 397). Въ одномъ документѣ 1619 г. Русскимъ позволялось торговать съ Шведами только въ городахъ, а въ селахъ и деревняхъ было запрещено. И вотъ причина: *«чтобъ Государевой пошлинъ истери не «было, потому что многіе люди торгуютъ безпошлинно по дере-«внямъ»* (А. А. Э. III, стр. 262). Отсюда видно, что перенесеніе торговъ изъ городовъ въ села и деревни происходило часто къ ущербу казны.

Рецензентъ находитъ, что я, стараясь вездѣ указывать на различіе городовъ и селъ, провожу это различіе нѣсколько темно и даже странно. Онъ говоритъ: *«на стр. 22 напримѣръ сказано: по-«шлина сухой мыть называлась часто въ городахъ подужнымъ и по-«лозовымъ. Но почему же такъ она называлась только въ городахъ, «а въ селахъ—нынѣ? названія эти—производныя отъ дуга и по-«лозья—чисто русскія, народныя и, конечно, одинаково были извѣстны «въ селахъ и городахъ»*. Дѣло въ томъ, что у меня сказано не такъ, какъ излагаетъ мою мысль рецензентъ. Вотъ подлинныя мои слова: *«въ городахъ она (т. е. пропажая пошлина) называлась часто про-«сто пошлиною съ возовъ и саней, также подужнымъ; пошлина съ саней называлась полозовымъ»*. Вовсе не говорится, что пошлина съ возовъ и саней, подужное и полозовое были называемы такъ только въ городахъ.

«*Все разсужденіе о пошлинѣ узолцовой (узолки)*, говоритъ «рецензентъ, *основано на словахъ вѣроятно и кажется; любо-* «*пытные могутъ справиться на стр. 85, 86, 102*». Любопытные однакожъ найдутъ, что нѣкоторыя положенія объ узолцовой пошлинѣ высказаны прямо и положительно, другія дѣйствительно съ прибавленіемъ слова *кажется* и не безъ причины. «*Отношеніе по-* «*шлины порядной къ тамгѣ*, продолжаетъ рецензентъ, *изложено* «*слишкомъ темно*». Не думаю, чтобъ для внимательнаго читателя мое изложеніе показалось темнымъ. Любопытные могутъ справиться. Рецензентъ найдя, что въ одномъ мѣстѣ моего сочиненія (стр. 89) вмѣсто XIII столѣтія названо XII столѣтіе, говоритъ: «*если это* «*описка, то желательно, чтобъ подобныхъ не встрѣчалось въ уче-* «*ныхъ трудахъ*». Но это не описка и лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что на стр. 87 моей книги, гдѣ говорится о томъ же предметѣ (о тамгѣ), названо XIII столѣтіе. Это просто опечатка въ цифрѣ, точно такая же, какая вкралась въ самую статью рецензента: такъ онъ ссылается, цитуя одно мѣсто о мытѣ, на 261-ю страницу моего сочиненія, тогда-какъ этой страницы вовсе нѣтъ въ моей книгѣ, 261 поставлено вмѣсто 26.

«*Но довольно*, говоритъ рецензентъ, *пора указать на хорошія* «*мѣста разбираемаго сочиненія.....*»

И я скажу въ свою очередь: довольно. Съ грустнымъ впечатлѣніемъ оставляю разборъ этой рецензіи, не представившей мнѣ ни одного замѣчанія, которое бы показывало внимательное чтеніе моей книги и въ которой я усматриваю даже какое-то для меня непонятное пристрастіе и недоброжелательство.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

5146.= — .ll (k) — 75

399